

МАТЬЯНА ПЕКУР

НАЙДИ МЕНЯ
ПОД ЦВЕТУЩЕЙ
САКУРОЙ !

Татьяна Пекур

**Найди меня под цветущей
сакурой! Лола-2**

«Издательские решения»

Пекур Т. А.

Найди меня под цветущей сакурой! Лола-2 / Т. А. Пекур —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505343-5

Пять лет после ухода из Алаки Лола и её семья жили в покое, любви и абсолютном согласии. Но опять появились два синих бога, пообещали своей молодой супруге загладить вину, отблагодарить её за рождённого сына Амрита. Лола не обратила внимания на их слова, а зря! Потому что стоило лишь сакуре во дворе их поместья зацвести, как её похитил красавец-кицунэ и уволок в мир Оногоро! К чему приведёт хитрый замысел богов древней Японии? Об этом узнаете из новой книги про Лолу!

ISBN 978-5-00-505343-5

© Пекур Т. А.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. Амаэрасу	6
ГЛАВА 2. Ками иного мира	11
ГЛАВА 3. Божественный союз	16
ГЛАВА 4. Похищение строптивой	29
ГЛАВА 5. Связующие знаки	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Найди меня под цветущей сакурой!

Лола-2

Татьяна Александровна Пекур

© Татьяна Александровна Пекур, 2019

ISBN 978-5-0050-5343-5 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-5344-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НАЙДИ МЕНЯ ПОД ЦВЕТУЩЕЙ САКУРОЙ!
ИЛИ «ЛОЛА»2
МЖМ, 18+

Аннотация: Пять лет после ухода из Алаки Лола и её семья жили в покое, любви и абсолютном согласии. Но опять появились два синих бога, пообещали своей молодой супруге загладить вину, отблагодарить её за рождённого сына Амрита. Лола не обратила внимания на их слова, а зря! Потому что, стоило лишь сакуре во дворе их поместья зацвести, как её похитил красавец-кицунэ и уволок в мир Оногоро! Здешние боги оказались в очень непростой ситуации: пропала их солнцеликая сестра Аматаэрасу! Всё бы ничего, да только она может успокоить своего безумного брата Сусаноо! Если этого не сделать, он пройдёт войной по землям всех kami, осквернит их поля, приведёт с собою они и ёкаев! Что предложат kami мира Оногоро Лоле? Ради кого она останется? И что у неё отнимут, оставив лишь боль? Всё это вы узнаете из второй книги о юной богине Алохе «Найди меня под цветущей сакурой!».

ГЛАВА 1. Аматэрасу

Госпожа Инари (1) макнула кисточку в плошку с чернилами и вновь потянулась к белоснежному холсту, на котором расцветал, будто цветок, иероглиф «солнечный». Этот холст должен стать подарком брату Цукиёми на день его рождения или же создания. Поскольку Цукиёми являлся богом Луны и ночи, то этот иероглиф был, можно сказать, тонкой иронией от сестры. Она, однако же, собиралась загладить вину пышным празднеством и новым нарядом для него.

Младшие лисы и лисички сидели смиренно на татами в правильных позах сайдза (2), любуясь уверенными, чёткими мазками богини. В курильницах о-сэнко томились ароматные палочки, пахло сладко и нежно, будто весной, когда цветут персики, сливы и сакура.

– Подай печать! – кивнула богиня на свой комодик. Маленькая и юркая Юки тут же вскочила и метнулась к стене. В третьем слева ящичке она нашла искомое – тубус из персикового дерева, на обоих срезах которого был вырезан знак скалящегося лиса. Низко поклонившись, белокурая девочка, протянула вещь хозяйке.

Госпожа Инари – но – ками (3) потрепала её по шелковистой гриве и взяла своей узкой, с длинными пальцами, которые оканчивались смертоносно-острыми серебряными ногтями, рукой печать. Макнула её в чернила и прижала к полотну, прямо под последним завитком.

– Вот так! – удовлетворённо выдохнула она, – А теперь можно и пообедать!

Лисички заматались, принесли низкий столик, расставили на нём мелкие тарелочки с угощением, чайник занял своё место в центре. По этикету вначале трапезничала госпожа, затем уж её дети, сотворённые ею лисы-оборотни. Богиня чинно, неспешно подцепляла палочками то рисовые шарики, то кусочки жареного угря, макая это в разные соусы. Выпила бульон, сложила пиалы одна в другую. Теперь время чая. Старшая дочь заварила зелёный чай, налила в маленькую чашечку, поднесла госпоже-матери.

– Подай мне печать вызова, Акеми!

Инари- но-ками встала, прошла к фусума и, отодвинув её, вышла на порожек. Алое с белым кимоно красивым, пёстрым цветком уютно улеглось на гладкие, покрытые лаком доски – госпожа Инари присела, чтобы написать записку-просьбу своей сестре Аматэрасу.

Кто же ещё сделает такой невероятный подарок, как праздничное кимоно для Цукиёми? Аматэрасу (4) делала исключительные вещи, они были наполнены энергией солнцеликой ками, сияли, но не слепили, силуэт был утончённым, а поза горделивой, ткань невероятна: не пачкалась и не мялась, всегда благоухала, подобно цветку. И для каждого бога этот запах был свой, под его силу, характер и вкус. А вкус брата, можно сказать, самый взыскательный из всех них. Цукиёми слыл модником среди всех ками. На его одеждах было много украшений в виде подвесок, зеркалец, бус, кисточек из серебристых и золотых нитей, были и нежные, тонкостенные колокольчики серебристого цвета. Его лунные волосы заколоты изумительными гребнями с драгоценными камешками, на них сидят журавли, гордо расправленные крылья которых касаются его висков; иногда же на них танцуют лунные волки, стелются по туманному полю, распластавшись в беге. На запястье висел радужный веер на тонком золотистом ремешке. Им он часто закрывал лицо, оставляя лишь лукавые серые глаза с длинными, девичьими ресницами.

Госпожа Инари вздохнула тоскливо, но тут же прогнала неуместную зависть – брата она любила, ведь они понимали друг друга с полуслова, в отличие от Аматэрасу, которая, несмотря на свой дар приносить свет и чистоту, была довольно взбалмошна и сурова.

Печать оставила оттиск на записке, та вспорхнула краями бумаги, будто птица, и растаяла вдали. До Такамагахара, Равнины Высокого неба, владений Аматэрасу, несколько часов пути, это если лететь быстрее ветра, как сейчас путешествует её печать. Пока придёт ответ, можно помузицировать. Её преданные лисички с радостью развлекут госпожу игрой на сямисэне (5)

и флейтах хаяси. Они закружатся в медленном, неспешном танце, их ало-белые одежды так похожие на опавшие листья ольхи, будут тихо шелестеть в такт шагам. Можно ещё погадать на бронзовом зеркале: всё ли на её полях благополучно? Как богиня Плодородия, Инари-но-ками всегда рачительно заботилась о своей земле, неустанно наполняла её силой, отправляла лисов, если нужно было решить территориальный спор в Идзумо, Стране тростниковой равнины – государстве людей.

Лисы танцевали, госпожа Инари медитировала и почти дремала на своём татами, как вдруг в комнату впорхнула её же записка! Лисички застыли, госпожа схватила листочек в руку и убедилась: послание вернулось целым! Её печать не вскрыта! Это значит... Ничего хорошего это не сулит! Послания всегда находили адресата! Записки, особенно именные, да ещё и от ками, настигали того, кому предназначены, даже если адресат был в другом мире. Они порхали в домах увеселений, опускались роженицам на животы, мужчинам на катаны в бою. И вот сейчас её записка не нашла Аматаэрасу! Что же это творится-то?

Инари-но-ками выпростала руку, в которую тут же вложили чистый листочек – следующую записку она пошлёт брату. Конечно придётся раскрыть раньше времени задумку с подарком, но, положа руку на сердце, неужели Цукиёми за все эти столетия не получал от неё кимоно? Он ничуть не удивится такому сюрпризу от Инари. А вот совет может дать и очень точный. Брат был тихим, неспешным, как тихая река в лунном свете, переливающаяся серебром, нежным голосом разрешал любой спор сестёр и братьев, его загадочная усмешка и прищуренные дымно-серые глаза в обрамлении длинных, чёрных ресниц остужали самые горячие головы. Да, Цукиёми поможет!

Новая записка с печатью-лисом вспорхнула с рук ками и унеслась уже в другом направлении – в Царство ночи, владение брата. Его земли немного ближе владений сестры Аматаэрасу, стало быть, ждать осталось немногим меньше пяти часов.

Инари-но-ками сидела неподвижно на пороге своего дома, всё вглядываясь и вглядываясь в горизонт. Исполинские ворота её поместья с изукрашенными алым столбами, казалось, попирали небеса, сейчас алеющие закатом. С криком носились усталые птички над деревьями, в траве стрекотали кузнечики, лисички мели двор, носили воду из колодца, готовя для госпожи купальню.

Наконец, когда уже засветились на Небесном мосту первые звёзды, ответное послание легко, будто пуховое перо, опустилось в нетерпеливо подрагивающую руку ками.

– Что-о?! – позволила себе небывалые эмоции богиня, прочитав новость, – Как пропала?! Акеми, Юки! Собирайте мои вещи – я еду в Царство ночи к моему брату!

Купальня остыла, остались нетронутыми ароматные блюда, столь любимые госпожой – десять лисов и двенадцать лисиц вышли в дорогу, неся вещи и паланкин с госпожой Инари-но-ками. В записке, которую ещё сжимала рука богини, ками ночи написал, что их сестра бесследно исчезла. Если Цукиёми не смог её отыскать – значит дело принимает серьёзный оборот. Раз в несколько лет путешествующий по землям людей Сусаноо (6), их вечно хнычущий братец, плодящий нечисть, пачкающий всё, к чему имеет наглость прикоснуться, возвращается к порогу Аматаэрасу за парой напутственных тумачу. Если же она не усмирит его, то быть беде!

Безумец Сусаноо пройдёт в её поисках по всей земле, по всем островам, он осквернит и их земли тоже! Инари-но-ками дорожила своей землёй – Рисовыми полями, а также почтением людей, которые взывали к ней для лучшего урожая. Значит, нужно предпринять что-то уже сейчас!

Спустя двое суток богиня достигла поместья ками Луны. Царство ночи встретило её тишиной, покоем. Всё как и всегда во владениях Цукиёми (7). Лунные шарики на столбцах серебряного цвета тотчас зажглись, чтобы гостям было лучше видно. Ажурный, многоуровневый дворец Цукиёми-доно гордо венчала огромная луна. С неё лился свет на земли людей, он был ласковым, таинственным, он делал обыденные вещи, видимые днём в одном ракурсе,

совсем другими ночью. Свет луны светил влюблённым, поэтому Цукиёми слыл покровителем альковных дел, да и сам имел многочисленных наложниц. Правда, они уже ему порядком приелись за века их служения. Покорные, безлико-прекрасные, без проблеска индивидуальности, они были лишь куклами в нарядных одеждах.

Брат сам летел ей навстречу: его босые ноги с изящными, небольшими, будто у женщины, ступнями, не касались земли; серебряные волосы реяли по ветру, скрывались за серым туманом, опоясывающим бёдра ками; колокольцы издавали тихий звон, а зеркальца пускали мелкие и частые блики на белоснежный паланкин сестры.

Взрослые лисы опустили паланкин на землю и помогли своей ками сойти на серые плиты двора. Инари поклонилась брату, тот склонился в ответ. Этикет соблюден, теперь можно общаться, не чинясь. Свита обоих богов почтительно ступала позади от них.

– Когда же ты, о брат мой, узнал, что сияющая сестра наша пропала? – начала Инари-но-ками, уже усевшись на татами напротив Цукиёми-но-микото. В чашечках на низком столике уже исходил паром ароматный чай. Такой рос только под лунным светом в землях брата. О, как дорожили каждой крохой его в этом мире! Цукиёми – доно понимающе улыбался и опускал длинные чёрные ресницы на бледные щёки. Знак полумесяца на его лбу ярко вспыхнул, выдавая его волнение и предвкушение: сообщить столь важное известие сестре было для бога истинным удовольствием.

– Совсем недавно, сестра моя! – прошелестел он тихо. Мальчик – слуга с поклоном принёс измятый листочек, – Вот! Это послание от Нагисавы, сестры нашей, порожденной отцом нашим в землях Химука! Она пишет, что её записка вернулась обратно, не найдя Аматаэрасу. Сразу после этого я послал нашей Сияющей своё послание с просьбой откликнуться, ведь скоро будет Встреча.

Вот так, с большой буквы. Действительно, событие столь важное, что его никак нельзя пропустить. При всей взрывной натуре сестры, на неё в вопросе успокоения Сусаноо можно было полагаться всецело! Аматаэрасу была ему номинально супругой, а значит, имела власть над ним. Однажды она задержалась в империи людей, засмотревшись на театр Кабуки, так тогда их брат осквернил её святилище, бросив туда содранную с её же любимой лошади шкуру! Аматаэрасу была разгневана настолько, что прогнала его за край земель! Тогда несколько дней выла буря, не давая людям выйти в море или на поля. Да что там! Даже они, ками этого мира, и то боялись нос за стены высунуть!

– Возможно ли, что наша сиятельная сестра вновь в Идзумо (8)? – задала вопрос Инари-но-ками, с тайной надеждой глянув на брата. Надо лбом Цукиёми собралось облачко серого цвета – верный признак огорчения. Инари скорбно опустила веки, осознав, что брат скорее всего уже связался с молодым правителем Акихито и получил ответ, который не понравился ему.

– Нет, сестра, в стране людей Аматаэрасу нет и не было уже очень долго. Слухи, что богиня вновь среди смертных, как круги на воде, будут расходиться ещё долго. Но их нет. Ты понимаешь, что это значит?

Да, Инари-но-ками понимала. Если сестра не появится в ближайшее время, то есть за полгода до Встречи, богам нужно быть готовыми к полной катастрофе. Силы, даже объединённые, не бесконечны. Но скверна брата Сусаноо может быть вечной, она бесконечно может марать их земли, их свиту. Она уничтожит людей. А ведь их молитвы дают богам силу. Да и как жить, для чего, если нет того, кто почитает тебя, кто взывает к тебе? На крохотных пятачках, что останутся посреди моря тьмы, будут сидеть они в дворцах и умирать от скуки, от бессмысленности своего существования долгие, долгие тысячи лет. Отец их, Идзанаги, до сих пор у реки, где совершал омовение после побега из страны Ёми (9), где навеки укрылась их мать Идзанами, уничтоженная, опалённая после рождения Цуруги-но-ками. Мать привыкла к тьме,

к нечисти, ведьмам и теням, оставшимся после смерти человека. Страна Ёми стала ей домом и домовиной одновременно.

Можно послать ей весточку. Цукиёми предложил тоже самое. Вместе они составили подробное послание матери, запечатали своими печатями, проводили глазами полёт свитка.

– Где твой старший сын Шинджи, сестра? – спросил Цукуёми-доно, его руки проворачивали чашку в руках, тонкие пальцы касались ободка, гладкого, прохладного.

– Ох, – вздохнула богиня, – Шинджи не оставляет надежды снять проклятие, брат. Он сейчас путешествует на дальних островах Авадзи (10). Но ты прав! Мне следует призвать всех своих детей, дабы быть в полной готовности перед Встречей.

Цукиёми-доно склонил голову и скрыл понимающую усмешку за дымным облаком шёлковых волос. Инари бывает так рассеяна, особенно в отношении своих любимых сыновей – Шинджи и Хикэру. Оба своевольные, дерзкие, их почтительность лишь ширма. Они мнят себя умнее своих ками. Ну да пусть их! Ками луны уверен: придёт час, и им понадобится совет, его совет. Тогда они согнут свои гордые спины, низко склонятся перед его величием. А пока... он подождёт.

Инари-но-ками запечатала два послания сыновьям и поскорее их отправила. Они сейчас один другого дальше. Особенно Хикэру. Тот, кажется, перешёл по Мосту в другой мир. Мать ожидала его с нетерпением: уж очень интриговало её, как живут там существа? Есть ли у них свои боги? Возможно ли, что их молитвы прибавят богам здесь сил?

Ах, если бы отец не застыл в своём безумном оцепенении! Его волосы выросли уже настолько, что оплели деревья, что подходят к берегу реки, а сухие, узловатые пальцы всё носят и носят капли воды на лицо, бледное и исхудавшее. Последний раз, когда они посетили его, он не узнал никого из них. Амаэрасу с Цукиёми срезали, насколько могли, волосы отца с корней и веток. И они тут же стали небесным металлом. Переглянувшись, ками решили выковать из него себе мечи. Оружие, наполненное божественными эманациями бога-отца бесценно. Здесь хватит и их детям на катаны.

1 Инари-но-ками – одна из богинь синтоистского пантеона. Дочь первых богов: Идзанами и Идзанаге. Её считали покровительницей рисовых полей, плодородия. Её слугами или же посланниками были лисы кицунэ. Традиционные одежды жрецов в её храмах алые с белым.

2 Сайдза – традиционная поза, при которой гость сидит на коленях, спина прямая, ноги под собой. Более вольную позу (по-турецки) разрешено принимать лишь мужчинам.

3 Ками – в [синтоизме](#) духовная сущность, бог. Согласно определению [Мотоори Норинага](#), данному им в его комментариях к [Кодзики](#), ками именуются божества неба и земли, описанные в древних писаниях и их [тама](#), обитающие в посвящённых им святилищах. Также ками могут именоваться люди, птицы, звери, поля и любая другая природа, обладающая исключительными качествами, внушающими трепет.

4 Амаэрасу-но-ками – первая из троих Золотых божественных детей Идзанами и Идзанаги. «Солнечная» или «Сияющая». Согласно хроникам «Кодзики» и легендам, эта богиня отвечала за свет, особенно солнечный. Также она делала одежды для других богов, любила рисовые поля, даже посеяла в своих владениях несколько крупных участков. Также только у неё были лошади. Считалась сестрой-супругой бога Сусаноо.

5 Сямисэн – также сангэн; устар. сямизен, сямисен), – японский **щипковый** трёхструнный музыкальный инструмент. **Ближайший** европейский аналог сямисэна – лютня. **Сямисэн** наряду с флейтами хаяси и сякухати, барабаном цудзumi и цитрой **кото** относится к традиционным музыкальным японским инструментам.

6 Сусаноо – Один из детей божественной пары. Считался повелителем бури. Получив во владение Равнину моря, стал роптать, рыдать, выявлять недовольство. За это Идзанаги отправил его в страну Ёми к матери. Некоторое время его не было, а затем он вернулся уже

другим. С этого мига он считается повелителем всего нехорошего, скверны. И только после разговора с Амата́расу уходит в мир вершить подвиги. Он спас много людей, женился и оставил свой меч будущему императору Японии.

7 Цукиёми-доно – один из первых, золотых детей Идзанами и Идзанаги. Считался богом Луны. Вначале Цукиёми жил с сестрой Амата́расу в её владениях, но после некоего конфликта ушёл от туда и основал своё поместье. В легендах нет чёткого разделения на женщину и мужчину, есть версия о двуполости божества, как и в случае с Шивой из индуистского пантеона.

8 Идзумо – согласно легендам, это прагосударство, предшественник современной Японии.

9 Страна Ёми – подземное царство нечисти и неупокоенных душ. После появления там богини Идзанами в обезображенном виде после рождения бога огня, это место стало ей домом. Идзанами стала олицетворять смерть из-за своей угрозы своему мужу убивать по тысяче людей в день. Идзанаги ответил, что тогда в мире будет рождаться полторы тысячи людей.

10 Авадзи – один из восьми островов, созданных первыми богами с помощью Яшмового копья. Авадзи, Иё, Оки, Цукуси, Ики, Цусима, Садо, Ямато – все острова.

ГЛАВА 2. Ками иного мира

Инари-но-ками ждала долгих пять месяцев, пока оба её старших сына вернутся домой. Первым прибыл Шинджи. Всё такой же суровый, с холодной бездной ночи в ало-черных глазах, он почтительно поклонился матери и прошёл в свои покои – омыть тело перед ужином со своей ками.

Все лисы госпожи Инари были белоснежные, их чистая, без единого пятнышка, шерсть поражала своей первозданной белизной. Только алые полумесяцы на лбу добавляли этой однородности малую толику цвета. Цвет волос, ушей, мягких и гладких, а также глаз старшего сына богини Плодородия был необычным. Хотя бы тем, что был... чёрным. С самого своего первого дня создания, своей жизни он видел только страх, недоумение и опасение, что своим проклятием заразит кого-нибудь ещё.

Руки лиса, увенчанные алмазными, острыми и агатово-черными когтями, были затянuty в перчатки алого цвета. Только на кончиках пальцев они были обрезаны, ведь острота когтей всё равно прорывала их раз за разом.

Алый ремешок, стягивающий роскошные воронные волосы в хвост, с тихим шорохом упал на пол, туда же горкой шелка сползло кимоно с широких плеч мужчины. Он прошёл в купальню, взял ведёрко и, присев на скамью, стал поливать себя тёплой водой. Не было у него в покоях зеркал – ему не нужны лишние напоминания, что он не такой, как все дети Инари-но-ками. На груди и руках были многочисленные шрамы. Они тонкими, мелкими и не очень полосами исчертили прекрасное тело. Мужчина безразлично тёр грудь травяной мочалкой. Что ему за дело до своих изъянов? Ни одна женщина всё равно не приблизится к нему, опасаясь сгореть дотла.

Ведёрко покатилося к стене, отброшенное взбесившимся лисом. Мужчина встал, опёрся руками на деревянную лохань ванной. Ему не избавиться от проклятия! Навечно оно с ним, только оно... И никого больше... Мать любит его и жалеет. Эта жалость – единственная жалость, которую он готов принять! Остальные опасаются выдать даже тень её, ведь лис страшен в гневе.

Одно касание, и любое живое существо, будь то ками или человек – все осыпаются пеплом. Мужчины отделялись ожогами... женщины... смерть. Она идёт за лисом по пятам. Он так привык к ней, что перестал её ждать, теперь он просто существует. Он – воин матери, он её щит. Пусть так!

Госпожа Инари была так рада его возвращению, что одела праздничное алое кимоно и заколола волосы синим гребнем, который он привёз из последнего путешествия. Хотя что-то может порадовать его сейчас!

– Как твоё путешествие, милый? Нашёл ли ты избавление? – ласково начала Инари-но-ками. Её серые глаза ласкали измученные, запавшие глаза сына. Как ей было жаль, что такой могучий, сильный, прекрасный мужчина и воин несёт столь тяжкое бремя! Возможно, он бы давно уже завёл семью, ведь столько младших богинь любят им украдкой! Но его удел – одиночество и старая боль.

– Нет.

Коротко и жёстко отрубил сын, сразу уйдя в себя. Шинджи опустил глаза в тарелки и не поднимал их весь вечер.

Как ни старалась его развеселить мать, но он лишь молчал. Отчаявшись добиться от него хоть слова, богиня решила сказать правду.

– Шинджи! У нас тревожные вести, сын! – воин в сыне был столь силен, что он тут же встрепенулся, стоило зазвучать волнению в голосе матери, – Наша божественная сестра Аматэрасу исчезла!

– Что? Её искали?

– Да, мой драгоценный! Мы слали печати во все концы мира, к людям тоже, но они вернулись целыми... – голос матери дрогнул от слёз. Её волнение было так очевидно, что лис изумился. Обычно его камы была холодна, сдержанна, полна достоинства и неспешности.

– Что нужно сделать? – тут же подобрался старший.

– Дело в том, что моя печать, посланная в страну Ёми, осталась без ответа. Я прошу тебя отнести моё послание матери лично!

Лис закаменел. Пойти в страну Ёми, то есть Подземное царство смерти, где ныне обитает мать его матери, госпожа Идзанами – значит покончить жизнь самоубийством.

Есть там нельзя, пить – тоже. Повсюду тьма, боль, скверна и смерть. Инари-но-камы знала, кого послать в столь мрачное место: проклятый лис вполне мог позволить себе рискнуть жизнью ради благополучия рода.

Шинджи покорно склонил голову, затем пробормотал, что будет готов выйти с рассветом, и вышел из покоев матери.

– Шинджи... – простонала горестно богиня, закрыв лицо руками. Как же больно видеть его таким! Но послать ей действительно было некого. Никто не сможет того, что мог совершить её храбрый, невероятный, безумно сильный сын! Прости, прости за всё, мой милый...

Новое послание было вручено лису на рассвете. Ещё плыл туман у земли, молчали птицы в саду, Акеми куталась в тёплую накидку алого цвета. Она тоже жалела брата. Он всегда хорошо относился к сёстрам, катал их на качелях, стараясь не коснуться их рукой. Мастерил для них фигурки животных из глины. В его руках она будто жила собственной жизнью, принимая тонкие, точные очертания. И из своих путешествий Шинджи всегда привозил маленькие подарки девочкам. Стайкой белых, пушистых котят, они обступали его, глазки горели, а ручки уже подставлены лодочками, чтобы в них легли разноцветные бусы, ленты, зеркальца, благовония, свитки с историями.

Ровная, сильная, красивая спина брата в ало-черном кимоно уже мелькнула последний раз за деревьями, а Акеми с Юки плакали навзрыд, не чая его увидеть ещё раз. Мама послала его в такое страшное место! Вернись, братик! Ты только не сгинь там...

На пятый день от ухода Шинджи на порог дворца Лисиц пришёл Хикэру. Второй старший брат пугал сестричек куда больше проклятого чёрного лиса. Холодный, отстранённый, довольно жестокий, он не впускал никого в свою жизнь, душу. У него не было друзей, возлюбленных, он сознательно выбросил всех и вся из своей жизни. Мелких лисов он гонял нещадно под предлогом тренировок. Сестёр не замечал вовсе, полагая женщин бесполезными и крикливыми существами, своими капризами унижающими всякое достоинство мужчины.

Свою камы слушал, но ближе ей не стал. Мать была богиней, но и женщиной тоже. Игнорируя приказ немедленно явиться перед её глазами, он прошёл в свою комнату, снял облачение и завалился спать. Образ камы из другого мира всё ещё стоял перед глазами. Бесстыдная нагота её, её стоны и крики... Хикэру вертелся в футоне, будто грешник на сковородке из страны Ёми в том мире, где он только что был. Как она смогла так легко взволновать его? Целую вечность он не впускал в свою суть даже малейшее волнение, безжалостно выдирая ростки малейшей привязанности. И вот сейчас маленькая, развратная камы своими горячими, сверкающими, будто два изумруда, глазами вывернула его суть наизнанку! Лис царапал себе руки и грудь до тех пор, пока боль не заглушила... страсть? Это она? В мире богов, где всё строго по канонам и правилам, где прячут истинное за ложным, где ценят сдержанность и холодность, такая обжигающая лавина эмоций являлась дурным тоном. И лис злился на себя, злился на прекрасную камы... О, как он желал припасть к тем местам, что ласкали её любовники!

Он превратился в зверя и долго наблюдал за ними в их поместье. Он вызнал о них всё. И поразился! Эта женщина, эта бесстыдная камы имела троих мужей! И каждый из них был

рад её ласке, её улыбке. В доме было ещё много обитателей. И дом был со змеем на крыше! Это их знак? Как у его матери лис? Хикэру терялся в догадках. Наблюдая за столь странной семьёй, лис вынес несколько односторонние выводы.

Во-первых, что основная сила принадлежит ками Алойе и её старшему сыну Амриту. Они – чистокровные ками. А вот её мужа... И ведь ласкает их! Неустанно, каждую ночь навещают они её, а потом в спальне видны всполохи... Лис рвал и метал. В своём маленьком теле он оббежал всё поместье, оцарапал со злости все деревья, пометил углы дома. Впрочем, метки тут же исчезли, изумив его до глубины души.

Супруги много и охотно вспоминали свою прошлую жизнь в месте под названием Алака. Как оказалось, это тоже мир богов! То, что Небесный мост соединяет миры, в которых живут разные боги, лис знал и так. Но вот, что боги эти могут быть так сильны – нет. Да он считал прародителя Идзанаги самым сильным ками Вселенной! Но этот малыш Амрит и его мать просто поражали! Они меняли материю, переговаривались мысленно, летали, на их земле всегда было лето. В их мире ками не влияли на погоду, лишь сообразно своей силе устанавливали определённую зону в своих владениях.

Алойя возвела дворец, Алойя владеет силой Желания, зеленоглазая бесстыдница есть приёмная дочь верховного бога Тримурти. И жена синим «мордам», как она называет сотворителей миров!

Жадно глядясь в жизнь чужой семьи, Хикэру понимал, что ему никогда такого не ощутить. Он просто не сумел бы так открыто целовать девушку на глазах своей или её матери, вот так подбросить своего сына к потолку и громкогласно рассмеяться, как медноволосый воин. Или просто стать рядом со своей ками и заглянуть в два солнца, полные неистовых эмоций. Даже на расстоянии, совсем чужой им, лис ощущал их связь всей сущностью.

Утром, разбитый, а оттого неимоверно злой, Хикэру спустился в сад и долго гонял своих младших братьев, срывая свою неистовую зависть и разочарование своей же жизнью.

На завтрак к матери он пришёл в пыльной одежде, даже не заметив её возмущение.

– Рада видеть тебя, сын! – проглотила обиду Инари-но-ками, – Где ты был так долго? Что видел?

Бамбуковая палочка с громким треском сломалась в его руке. Маленькая лисичка тут же подала ему новую. Хикэру ожёг её взглядом, от чего бедный лисёнок забился поглубже в толпу сестёр и братьев. Те тоже опасливо поглядывали на старшего брата.

– Я был в ином мире, моя ками, – как холодно и официально! Инари-но-ками болезненно дёрнула уголок губ, – Там я видел много необычного...

Рассказ сына, сухой, безэмоциональный, тем не менее был очень подробным. Он рассказал, что волшебства в том мире нет уже давно, что его заменили всяческой механикой, которая загадила небо и землю. Что люди там расплодились что крысы, они все якобы свободны, но у каждой страны свой правитель. Что острова, зеркально отражающие их собственные, называют Японией. Он испытал немало удивления, узнав, что здесь помнят или же знают всех их: Инари-но-ками, Идзанами-доно, Идзанаги-сама. Все они до сих пор живы в памяти людей.

Мать задумалась и высказала мысль, что это не просто отражение их мира, а в какой-то мере его продолжение, возможно даже будущее.

Госпожа Инари рассказала Хикэру всё без утайки: что положение их очень незавидное, тревога ширится и ползёт слухами по островам. Того и гляди активизируются мелкие боги, желая откусить кусок чужих земель. Уже потянулась нечисть к человеческим жилищам, не боясь благословения ками. Правитель Акихито прислал своих чиновников, чтобы нижайше просить защиты своим подданным.

Лис слушал внимательно, в отличие от своего черного собрата. Его серые глаза холодно отметили, что мать как-то подалась за эти месяцы, постарела. А ведь ками не стареют!

И не умирают! Значит, волнение и сомнения истожили её. Если таково положение дел, то он может стать незаменимым! А уж если брат сгинет в стране Ёми...

– Ты меня слушаешь, Хикэру? – растерялась ками, видя какую-то совершенно безумную усмешку сына и его хищно блестящие глаза. Узкие ладони непрерывно спускались сверху вниз по широким плечам – лис будто обнимал себя сам.

– Да! – ответил он так громко, что все вздрогнули, – Я расскажу тебе, мама, об одной ками...

Инари-но-ками поражённо внимала рассказу сына. Она и подумать не могла, что существуют столь сильные боги! Да ещё целые миры заселят! В волнении она стиснула свой платок и разорвала его когтями в клочья. По описанию сына, богиня Алойя сильная, молодая и очень развратная. Хотя... зная отношение сына к женщинам, госпожа Инари предполагала, что тот просто подглядел совсем уж интимный момент из её жизни и вообразил себе невесть что. Не во всех мирах так относятся к близости, как в их мире.

Было злое рычание на описании её супругов, на их богатстве, совершенно бесстыдном, безграничном!

Боги не жалели денег ни на что! Украшения для ками, лучшие наряды для неё, детей и родичей. Всех друзей клана и своих слуг так же одаривали сверх меры.

Но поразило мать не это. Её поразили крылатые кони! Да, да! Здесь, в их мире, лошадей можно было встретить нечасто. Ими владели очень богатые люди, а боги предпочитали путешествовать летая или же в паланкинах. У Амаэрасу было несколько коней и она их очень ценила. Сын описал прекрасную, жемчужного цвета шкуру кобылицы ками Алойи, серебристого жеребца её супруга- якшаси.

Рассказ всё длился и длился, пока внезапно от порога не раздался тихий, шелестящий голос ками Цукиёми. Бог Луны проплыл к столику, чинно опустился на подушечку и лукаво поглядел на племянника. Казалось, он видит его насквозь – таким откровенным был его взгляд. Он как бы говорил: а так ли противна тебе эта ками? Ты исцарапал свои руки, ты грубишь матери, ты оскорбил её взор пропыленной одеждой! И всем видом хочешь показать, как презираешь ту женщину! Ах, как же ты слаб!

Взгляды дяди так взбесили Хикэру, что лис хотел уже вскочить и выбежать вон, но он усидел – глаза матери молили быть почтительным.

– Так та ками владеет такими силами, Хикэру? – сладкоречиво уточнил Цукиёми-доно, – И она статна, хороша собой?

– Да! – рявкнул лис.

– Похоже, сестрица, мы нашли решение нашей проблемы!

До госпожи Инари сперва не сразу дошла безумная задумка брата. Но когда она осознала, что он хочет сотворить...

– Но ведь у неё есть супруги, покровители! Если они столь сильны, то уничтожат нас в один миг! Я ещё не готова прощаться с вечностью, милый! – она гневно поджала губы, показывая, что не ожидала от брата такого неблагоразумия.

– Да нет же, Инари! Твой сын достаточно осторожен, чтобы увести её в наш мир незаметно! Пусть вернётся, пусть выждет, – шипение Цукиёми то и дело глохло – так бог был взволнован, – Когда рядом не будет никого из её мужчин, тогда он выманит её в сад и...

– А где ты перешёл, Хикэру? Где наш Священный столп в том мире? – вдруг поразила своей догадке Инари-но-ками.

– Это старая сакура у них во дворе. Столп выходит точно на неё! – ответил напряжённым голосом лис.

Ками полей хлопнула в ладоши и заискрилась азартом. Цукиёми-доно мелодично рассмеялся. Оба бога были довольны тем, как складываются обстоятельства.

– Решено! Ты вернёшься и уведёшь её! – скомандовала мать.

– Моя ками... – решился возразить матери лис. Но та в ответ только холодно взглянула на сына, предупреждая его возражения и как бы говоря, что её терпение уже на исходе, – Я сделаю всё, как надо!

Через три дня Хикэру прошёл в переход, на который отдали почти все силы Цукиёми-доно и Инари-но-ками. В прошлый раз на его путешествие силу дала его тётка, богиня Аматаэрасу.

Несмотря на неприязнь обоих богов к их сестре, Хикэру всегда был с нею близок. Оба были холодны, воинственны, а Аматаэрасу ещё и отказывалась от своей женской сути в пользу военной доблести, чем внушала некое уважение племяннику. Столь сильная ками, столь верная, властная. Не то что... горячая и стонущая... Проклятье! И мать снова посылает его к той развратнице! О-о! Он позаботится, чтобы путешествие для неё не показалось лёгким!

Хикэру сжал в руке свиток с обратным заклятием. Силу для него предполагалось использовать той ками, что заменит Аматаэрасу-но-ками на Встрече через год.

– Что ты скажешь на это, мелкая развратница? – прошипел Хикэру, стоя под сакурой уже в мире людей и поглядывая на светящиеся окна замка с драконом на крыше.

Здесь была ночь, а также конец зимы. На сакуре, являющейся выходом Священного столпа в этом мире, уже появились бутоны. Через две недели она будет вся в цвету. Именно в это время нужно активировать переход, как сказала мать.

ГЛАВА 3. Божественный союз

Зима, уже пятая с тех пор как мы переехали в Японию. На сей раз мы решили также оставить снег, ведь дети с таким восторгом следили за снегопадом у прозрачной стены, отделяющей наше поместье от остального мира.

Сейчас, двадцать пятого марта, уже было не так холодно, мягкие белые хлопья медленно и красиво летели к земле. Мы с мамой, моими любимыми гандхарвами, мистером Санаем и младшими якшаси с умилением следили, как замирают от восторга Алила, Аджая и Кит. Амрит, довольный и сверкающий чёрными глазами, полными азарта, закручивал снежные вихри, делал из снежинок то бабочек, то феек. Сестрички и братик ловили их маленькими ладошками и пищали от восторга. Рядом носились четверо голубых котят – наша плата за последние две вязки Марки.

Сам глава кошачьего семейства сидел на лавочке и с фырканием стряхивал с себя холодные хлопья.

У дочки Арджуна зелёный комбинезончик с драконьим гребешком на спине. Она выглядит так умильно, что мы поминутно утираем слёзы и фотографируем их всех. Наша маленькая якшаси, Алила, таращит серо-голубые глазки, силясь не потерять своего всегдашнего достоинства, но всё равно срывается на довольный писк и бросается вперёд, чтобы словить как можно раньше сестры и брата сверкающую бабочку. Её голубое пальтишко делает её похожей на маленькую Снегурочку. Асоноя её обожает, ведь они так похожи. Хотя Аджая и Кит с Амритом тоже её любимцы.

Кити, наш с Ильясом сын, мой милый и такой нежный мальчик! Он делает то, чего от него ожидают другие. Нет, это не значит, что характера у него нет, он есть. Но он так благороден, что участвует в любых проказах Аджаи. Та заставляет его играть в куклы, наряжать котят в платья и бантики, учить их буквам. Ильяс души в нём не чает, его глаза сияют счастьем. И это лучшая похвала, награда или благодарность за целых полтора года слабости, за ультиматум двум синим «мордам».

– Амри! – со страхом вскричала мама, когда тот поднял сестричек и брата в воздух и закружил в снежном вихре.

– Всё в порядке, якшауни! – успокаивающе накрыл её руку своей Глава. Сейчас и он сиял счастьем и довольством! Надо же! Род умирал, а сейчас у нас четверо малышей! Сильных, талантливых и красивых, – Амри никогда их не обидит. Он сильный бог, он один из Тримурти.

– Ох, да знаю я! Просто... они же такие маленькие...

Не такие уж и маленькие, им осенью по три годика будет. Мои зайки! Прижимать их к себе вечером, перед сном, укладывать в кроватки, петь им колыбельные, ощущая общую, поделенную на всех нас четверых родителей, любовь – это так умиротворяет. Покой, счастье – вот, что я ощущаю все эти годы.

Мы ещё погуляли во дворе, посмотрели на сакуру.

Её исполинских размеров ствол возвышался над нами на добрых восемь метров, а крона раскинулась почти на весь двор. Она так благоухает весной! Цветы ярким, нежно-розовым дождём ложаться на землю, уносятся ветром, летят в мою башню, в классы, на кухню.

Под нею меня нежно целуют, обещая быть со мной до самой смерти мои любимые мужья, а в лунные ночи я летаю над нею на Аиготе.

Пегасов мои эльфы уже выводили с утра. Обе кобылки уже в отношениях с теми двумя жеребцами, которых отвергла Алойша. Поголовье становится всё больше, скоро можно будет дарить самым верным друзьям. Ракшасы сказали, что их четвёрка ждёт с нетерпением кобылок.

Работники позаботились о живности на ферме. Положенное количество продукции ежедневно уезжало на продажу в Юни и Саппоро, а часть доставалась нам. Парное молоко и творожок теперь всегда были у нас на столе. Мы не станем без него даже кушать, да, моя янтарная звёздочка? Аджая стойко перенесла наши с Джуном поцелуи, а потом вывернулась из наших объятий, чтобы вернуться к волшебству брата. Щёчки у неё уже холодные. Кити никогда не мёрз, как и Алила. Пора в дом.

В доме было тепло. Мы переобулись, расселись на диваны, кресла и ковры. Малышня уже раскидала везде игрушки, теперь куклы вспархивали одна за другой, перелетали с места на место, на них надевались платья, просто обматывались шарфы мои или мамы – дочки сильно не заморачивались, чем бы ещё украсить своих леди.

Кит с раскрытым ртом внимал Амри, а тот в облаках иллюзий показывал битвы гандхарвов с нечистью. Суровый Индра на своей сияющей колеснице, Брахма на алом облаке, Шива и Вишну на змее и быке. Откуда он это знает?

– Он знает всё, что знают его отцы, – сказал Арджун и прижал меня к своему боку. Тёмно-сиреневый свитер, который ему связала мама, невероятно пах его сильным, горячим телом. Медовая грива шелковой волной стекала по спине, я утонула в его янтарных глазах. Зажмурилась от удовольствия и улеглась ему на плечо. Ильяс нежно перебирал мои пальцы, его чёрные глаза ласкали моё лицо. Люблю вас...

– Ты больше не видела того типа? – спросил ревниво мой медноволосый принц.

– Нет, – я вдруг ощутила беспокойство при упоминании сереброволосого юноши, который подсматривал за нами в купальне на источниках, – Наверняка он сам не рад был, что увидел нас тогда в таком...

На последних словах я понизила голос, не желая, чтобы младшие или родители знали об этом.

В тот миг, когда мои глаза встретились с пылающими озёрами серебра в обрамлении чёрных ресниц, совершенное нагое тело вдруг окутал туман, и юноша стал... лисом! Только спустя час я отошла от шока и вспомнила, что на его голове заметила два белых уха. Это и есть кицунэ?

Мы перерыли городскую библиотеку, выпросили у наших друзей, кто же это такие.

– Лисы – посланники богини плодородия Инари-но-ками! – сказал важно Никишима-сан, – Они хитры, изворотливы, могут морочить голову путникам. А юным девам... хм, предстают в облике мужчин. Иногда девиц. Парни знают, что ничего хорошего из такой связи не выйдет, но красота лисиц так необычна...

Да уж, необычна... Надо ли говорить, что с тех пор мужья на меня поглядывают многозначительно? Аигот знал благодаря нашей мыслесвязи, что юного лиса я оценила, посчитала очень красивым, но на этом и всё. Так что хоть мой якшаси не устраивал сцен. Арджуну же, похоже, нравилось меня подкалывать. Моё возмущение подогревало его страсть не хуже сомы!

Вот и сейчас он напомнил о том лисе, будто мне больше не о чем думать! Лучше подумаю о моём змее и его холодности...

Аигот уже два дня отсиживается в кабинете, только целует по утрам. Я ловлю его за галстук, пытаюсь утащить в свою комнату, но страстный шёпот и горячие поцелуи никак не могут справиться с озабоченностью финансами и нашим благополучием. Он мимоходом притягивает меня к себе, посылает короткое послание, что по-прежнему любит меня, и тут же прижимает к уху телефон для очередного звонка.

Эх! Я скучаю по его рукам, по пронизывающему взгляду, полному и стужи, и лавы одновременно. Ага! Ты всё же слышишь меня! Аигот послал волну любви, едва не расплавившей моё тело. Я жду тебя сегодня!

Спросил, так ли уж я скучала эти дни и ночи? Ну что сказать, Арджун и Ильяс не оставляли меня. Но Аигот ведь мой якшаси. Потребность в его ласке всеобъемлюща, необъятна! А может именно его сдержанность так меня заводит? Вздохнула печально, понимая, что и сегодня мой змей будет далеко от меня – в Токио, в Нагасаки, где недавно открыл ресторан.

Надо отвлечься! Я огляделась. Малыши мирно играют, котята спят, мама с Соломоном Санаем смотрят какой-то фильм и тихо обсуждают отличие в игре японских артистов от европейских.

Ваня и Асоноя сидят рядом, держаться за руки. Их взгляды друг на друга радуют наши сердца – такие нежные, такие юные, оба влюблены, и счастье их такое полное. Им уже по семнадцать лет, взрослые совсем. Сонечка так и зовёт меня мамой теперь. Иногда мы сидим у меня в комнате, обнявшись, и плачем: над камином висит картина, нарисованная Энки, та, где три змея реют над Бездной. Её слова, что папа всегда будет с нами, я воспринимаю не более чем попытку заглушить нашу общую боль.

Арэй, Аидат! Тоска по ним стала меньше, она просто глухой, давней уже болью иногда сдавливают сердце. Соня говорит, что рада тому, что у неё есть я и Ваня, мама и малышня наша. Она всегда была только с отцом, а по сути одна-одинёшенька! Сейчас это сильная, красивая, изящная и нежная леди. Белокурый ангелочек стал красивой девушкой с длинными, серебристыми волосами, серо-голубыми глазами с поволокой. Ваня без ума от неё. И Соня поступает порядочно и верно: несмотря на обилие влюблённых в неё юных японцев, она отдала своё сердце моему брату. Меня это не удивляет – Ваня стал мужественным, высоким блондином, у него добрая душа, мягкий характер, улыбка сердцеда и голубые глаза ангела.

– Мам, Лола! – Ваня встал и подал руку Сонечке, – Мы скоро уезжаем, так что решили отпраздновать помолвку до того, как уедем!

– Ой! Но как же так-то? Мы не готовы... – мама засуетилась, прикидывая, сколько гостей позвать, какие блюда готовить.

– Ну что ты, ма! – обнял её брат, – Только мы будем! Так что или завтра, или послезавтра за столом отметим и всё!

Но маму было не переспорить! Она тут же гневно выпрямилась и стала командовать слугами – якшаси. Были отправлены приглашения мэру, нашим ученикам, друзьям и чиновникам из Юни. Ванька обречённо закатил глаза, Сонечка растерянно глядела своими кроткими глазами на будущую свекровь. Мама восхищалась её своей силой, к тому же она внесла немалый вклад в воспитание Сони как будущей жены и матери, рассказывая и показывая, в чём состоит простое женское счастье.

Из огромной, скукоженной от частого использования тетради вытряхнуты старые семейные рецепты тортов, салатов, закусок как холодных, так и горячих. Мама и меня заставила участвовать!

Мы два дня варили овощи, мясо, тушили рыбу, резали, крошили, взбивали кремы, пекли коржи для тортов.

В день помолвки в замок пришли не меньше ста человек! Чинно кланялись, несли подарки и говорили поздравления. Ванька мрачно зыркал по сторонам, но ради Сони он готов был и не на такие муки, так что стойко терпел.

Мы получили послание от ракшасов и подарки для нашей пары – их портрет и изумительную нефритовую статуэтку радужной птицы с расправленными крыльями. Джун и Ильяс сказали, что на ней след сильного колдовства, но вреда она никому не причинит, это просто очень старая вещь и всё. Мы успокоились и запаковали в багаж её тоже.

Энки написал мне письмо... я никому его не показывала, опасаясь ревности. Но похоже, что о нём знали все, просто дали мне свободу в этот раз. Неистовый ракшас писал, что видит

меня всюду: в каждой китайке, в рассветных лучах над горным озером, где они купили дом с Этасом и Эродом, в бликах солнца на потолке.

Я после его послания целый день ходила задумчивой и даже... больной что ли? Потом положила письмо в шкатулку с изображением змея и спрятала куда подальше. Сейчас моя жизнь стала спокойной, без волнений и острых углов: мои любимые небесные воины всё время проводят со мной, сократив даже занятия с учениками, Аигот тоже не оставляет меня надолго.

И вот так запросто взволновать всех тем, что Энки намерен приехать? Я и хочу его видеть, и нет. Он дорог мне как память. Память о посещении мира богов, как часть моей истории. Но он такой... ревнивый, страстный, неистовый! Глупая ворона всё ещё мечтает о несбыточном...

Через четыре дня наша новоиспеченная пара загрузила в машины и один грузовик свои вещи и отбыла в Токио. Там им предстоит пять лет учиться в Университете искусств – Ване на вокальном отделении, а Сонечке – по классу фортепиано. Но они сказали, что ещё будут осваивать живопись. Соня хотела взять одного из котят, но Ваня напомнил, что первый год они практически не будут появляться в своей квартире, так что животное лучше оставить в любящих руках семьи.

Они пообещали нам звонить, писать, слать фотографии и приезжать на каникулы. Мама висла на Ваньке, Соня – на мне и дяде Аиготе. Потом пошли поцелуи с малышами, гладились пегасы, коза Манька, пара получила наставления от Никишима-сана, мол, будьте тихими, скромными, смотрите в оба на дорогах и так далее. Я надела на обоих по амулету с красной бусиной – один из браслетов Брахмы утолщился и превратился в два. Из них я сделала амулеты всем нам.

Приезжал Сеня. Он уже закончил академию, стал пилотом. Его выносливость удивляет врачей и коллег – обычно пилоты, испытывая серьёзные нагрузки, страдают сопутствующими заболеваниями. А у Сени, как у якшаса, железное здоровье, в полном порядке все органы. К тому же он умеет абсолютно точно высчитать координаты, всегда знает, где он, даже без подсказки диспетчера. Это он и рассказал нам в день помолвки. Арджун и Ильяс ревниво зажали меня с двух сторон и не отпускали ни на шаг, пока он не уехал утром, сразу после Сони и Вани.

– Всё уже в прошлом... – заверяла я обоих, но они видели, что я восхищённо замерла, увидев бывшего в военной форме. Она ему идёт невероятно! Стальные волосы, чёрные брови вразлёт, голубые осколки льда вместо глаз, и ровная спина в стильной, серо-чёрной униформе!

Я дала одну алую бусину и ему тоже. Тоска в его глазах полыхнула таким... Я отвернулась, сглатывая слёзы. Нам уже не быть вместе, ты ведь знаешь... Джун после этого обещал ему всякие кары, а я с тоскою в голосе просила оставить Сеню в покое или же поставить себя на его место. Арджун и Ильяс гневно уверили меня, что, в отличие от вероломного якшаса, отказались абсолютно от всего, чтобы быть со мной. Это правда, мои сладкие, мои красавцы... Будет танец?! Сегодня, о-о!! Сеня был забыт тут же.

После отъезда Вани, Сони и Арсэная в путь засобирался и Аигот. Я издала гневный возглас и сбежала в свою комнату. Сколько можно?! Я не вижу тебя уже неделю! Спустя минуты две на мои плечи легли его ладони, а тёплые губы коснулись волос.

– Алойя! Лоли... – тихо прошептал он и обнял меня. Я нежилась в его руках, коснулась его щеки своей, – Мои партнёры... очень важные люди в сфере питания в Японии, хотят увидеть мою семью.

– И что? Ты нас стесняешься?! – неприятно поразила я.

– Нет! – твёрдо ответил мой якшас, – Но подробности им знать ни к чему, ты согласна? – пришлось кивнуть, что я всё понимаю. Это патриархальная страна, женщины относительно недавно получили фактическую свободу в учёбе или работе, но то отношение к ним, которое

тянулось веками, так просто не вытравить. Вот и сейчас Аигот опасался, что наш многонациональный брак шокирует правильных японцев.

– Ладно! Мы снова будем притворяться! Только недолго...

– Всего на один день, – уверил Аигот и снова вытащил телефон.

Он быстро с кем-то переговорил и велел готовить ужин для гостей, прекрасно зная, что в этом вопросе мама и наши помощницы – девы из младших будут на высоте.

– Когда ты едешь? – тихо спросила я и прошлась языком по белоснежной шее якшаса. Судорожный вздох сказал мне, что Аигот на грани. Так ты скучал по мне?

– Завтра! – рыкнул он и понёс меня к кровати.

Мама умудрилась соединить наше застолье с японским, приготовив и их блюда, и традиционные холодцы – вареники. Угощение ждало нас в гостиной, ну а мы ждали гостей у порога.

Трое японцев в серых пальто, одинаковых тёмных брюках и пиджаках с галстуками, очках и с суровыми физиономиями встали на пороге рядом с якшасом ровно в пять вечера. Пунктуальность – это истинно-японская черта характера. Опозданием они оскорбят не только своего визави, но и себя самое.

Ясихиро, Тэкеши и Нобуюки. Именно так представились мужчины и вручили маме с главой по визитке. Уже зная этот обычай, мы отдали им свои. Минута на пристальный взгляд на кусочек картона, а затем настал черёд сувениров. Мы подготовили им небольшие фигурки из яшмы – традиционного, священного для японца минерала. Из него по легенде состояло копье, которым мешали Океан Безвременья верховные боги синто – Идзанами и Идзанаги.

Ну а нам свои подарки предстоит увидеть после их отъезда, то есть завтра. Мы раскланялись, а затем в порядке очередности вошли в гостиную. Здесь уже расстелили татами и поставили два мелких, низеньких столика.

Вначале зашли мужчины, потом мы с мамой. И сели так же – мы с самого края. Аигот представил нас, но сейчас это уже носило неофициальный характер, так что мужчины расслабленно выдохнули, сказали «спасибо за еду» и налегли на саке и закуски.

Мама получила множество комплиментов как хозяйка, я также услышала, что я красивая, что почтительна со старшими, тиха и скромна. Ну да, я знала, что в таких вот встречах нельзя разряжаться или же надевать что-то вызывающе-сексуальное. Я была в сером платье, закрывающем меня от шеи до самых щиколоток, на шее был кулон со змеем, волосы заплетены в косу.

После ужина мы познакомили гостей с детьми. Нужно было видеть их глаза! Такие эмоции говорили о просто невероятном шоке! Огненные волосы Аджаи быстро навели их на подозрение относительно Арджуна, который был сейчас простым парнем, только мы забыли ему цвет волос поменять. Оба черноволосых малыша: и Амрит, и Кит, также вызвали подозрение и взгляды на Ильяса. В общем, легенда Аигота трещала по швам, и мы уже было решились на честное признание, как один из наших гостей вдруг сказал:

– Так вы и есть ками из Дома со змеем?

Минутная пауза на осмысление того, что слухи о нас, оказывается, поползли уже далеко за пределы Юни, а затем мы просто рассказали ту версию, которая была преподнесена нашим ученикам и жителям города – что мы сбежали из своей страны из-за осуждения нашего брака, из-за пристального внимания спецслужб к нашим сверхъестественным силам.

– А как вы узнали, что вы – ками? Вы родились с этими силами? – спросил Ясихиро.

– Мы – да, – ответил Аигот и указал на гандхварвов и своего названного отца, – А моя жена ею стала после... тяжёлых испытаний.

– О-о! – восхитились японцы, – Должно быть, Алойя – сама показала себя достойной этой силы! Знаете, а ведь наш император происходит от самой kami Амаэрасу!

– Как это? – удивилась мама.

Переглянувшись, наши гости выпрямились, приняли торжественный вид и стали рассказывать по очереди, дополняя рассказ друг друга.

– Сейчас правит император Акихито. У нас не принято называть правителя по имени, его называют «тэнно хэйка», что означает «небесный», «божественный» правитель. Статус императора закреплён в конституции Японской империи в 1890 году. И с тех пор передаётся только по мужской линии.

– Шовинисты... – буркнула я тихо, а по связи с Аи и моими воинами передала своё возмущение. Вся троица дружно поведала мне, что я – их персональная властительница. А что показали... И так хотите? И... так... Скорее бы уехали гости! Я привяжу вас к кровати и буду долго пытаться!

Японцы сделали вид, что не заметили моего гнева. Они рассказали, что первый из известных императоров был Дзимму. Он официально основал государство Японию. Якобы он был правнуком самой богини солнца, от неё ему и последующим потомкам достались королевские регалии: меч, бусы из звёздного минерала и зеркало.

Кстати, этот самый меч якобы до сих пор поживает на подставке в святилище императорской семьи. Интересно, это действительно так?

– Император отказался от статуса божественного правителя, оставив за собой лишь номинальную власть, – сказал в заключение Нобуюки, – Но для нас он всё равно тэнно хэйку!

После ужина мужчины ещё посидели в гостинной, поговорили. Аигот получил всё, что хотел: соглашение, заверения в будущей помощи, всяческие послабления, рабочую силу. Таким довольным я не видела его уже давно. Нам обещали поспособствовать даже получению пожизненных виз.

– Меня не будет всего две недели!

– Всего?! – вскрикнула я. Знаю, что можно говорить и мысленно, но я вся на эмоциях, мне можно.

– Тише... Прости, моя сладкая якшауни! Я привезу тебе подарок. И буду каждую ночь с тобой... в тебе...

Горячие, жадные губы мужа обласкали шею, я уже едва дышу. Он стаскивает моё платье, уверяя, что я и в мешке из-под картошки буду хороша, а эта тряпка заводила его весь вечер. Ох, врётся ведь... Правда? Так беззащитна я была, так трогательна в нём! А сейчас так горяча? О, боже! Твоя власть надо мной... Его руки уже накрыли мою грудь, большие пальцы трут мои соски, а губы терзают мои, горящие от его жажды. Нет, не уходи!

– Я ненадолго... – смеется мой змей, и я ощущаю горячие губы и язык на своих вершинах, ахаю и цепляюсь за его волосы, прижимая к себе. Ближе, ещё, не останавливайся!

Встречаю серебристый блеск его глаз у своего живота и изумлённо замираю: медленно, чувственно, давая мне рассмотреть всё, он ласкает моё лоно. Аи... Ты даёшь аванс на то время, когда вернешься? Хорошо, милый! Я отпущу тебя-а-оу!

Сладкая пытка всё длилась и длилась, пока я не зарычала и не потащила его на себя. Тяжесть его тела, гладкость его кожи, он так близко, я ощущаю тебя всем существом... Каждое его движение, каждый толчок, все его ласки я впитаю и запомню. Ты в моём сердце, Аи! Я знаю... я в твоём...

В окно влетал шаловливый весенний ветерок, шевелил фиалковые шторы. Он остужал наши тела после нескольких часов единения. Аигот получил любимую ласку моих мужей, я насладились его стонами, судорожными вздохами. Его руки то комкали простыни, то рвали

мои волосы, он не стал просить меня ускорить темп, вместо этого по его нервам проходил ток – удовольствие от медленных ласковых касаний моего языка.

– Ты зайдёшь к Ване и Соне? – спросила я и подняла голову с его живота. Там горел алым пламенем трилистник Агни. Аигот, зная мою натуру, прикрыл бёдра простынкой. Ну да, я не смогу его отпустить, если он будет нагим... прекрасным, доступным. Ты ведь не хочешь спать? Нет, рассмеялся.

– Зайду. Я узнаю всё, а потом расскажу тебе, моя птичка.

– Я буду ждать. Аи... Мне немного тревожно.

– Это из-за моего отъезда? Я всегда с тобой, ты ведь знаешь!

Понежилась в его руках, ответила на горячий поцелуй. С радостью ощутила его руки на груди, животе и бёдрах. Эта наша мыслесвязь помогала и вселяла уверенность. В нём, во мне, что мы едины.

Утром он уехал. Я тоскливо вздыхала на пороге, поглаживая чешуйки на хвосте змея на двери замка. Мои небесные воины сейчас в тренировочном зале: с самого утра прибыли их ученики, даже те, кто временно к нам не ходил. Что они там задумали? Ещё раз посмотрела на дорогу, где скрылись две чёрные машины, и ушла в дом.

Мама с младшими уже накормили детей и усадили их на большой ковёр в гостиной. Я вошла, присела на уголок возле Кита. Кучерявая, черноволосая головка сына пахнет молоком. Мой котёнок! За ним за моей лаской потянулись и остальные дети. Алила вцепилась ладошками в мои волосы, Джая хвасталась оживлённой куклой, Амрит уместил синюю мордашку над медовой головой сестры.

– Ма! А ты отпустишь меня на соревнования? – лукаво улыбался он. Чёрные глазки-вишнии блестели от возбуждения и затаенной надежды.

– Какое со... – начала было я, сын немного погрустнел, понимая, что я совершенно не в курсе.

– Никакое! – бодро заверил меня этот чертёнок и тут же унёс на плече Аджая, изображая самолёт.

Я передала Кита в руки младшим, те улыбнулись мне так преданно и восхищённо, что я несколько опешила. Убедилась, что дети под пристальным присмотром мамы и главы, младших и даже одной из женщин-прислужниц, и пошла искать своих эльфов. Что это они там задумали такое? И почему я об этом ничего не знаю?

– Ещё раз! – сурово сказал мой медовый принц стоящим в шеренге ученикам. Те снова приняли боевую стойку, – Нападай!

Начался спарринг, короткие удары, подсечки, половина упала на татами. Ильяс учил троих учеников поединку на шестах. Длинные бамбуковые копы с глухим стуком сталкивались и летали, как живые, в ловких, сильных руках парней – мой муж их так натренировал, что движения были поразительно лёгкими и красивыми.

Пару десятков минут я просто любовалась мужчинами, их суровыми лицами, на которых пылал азарт боя, гордость за учеников, которые делали всё, чтобы не разочаровать учителей. Финальные поклоны гандхарвам, потом уже на выходе – мне, и наши гости покидают замок.

Ильяс и Арджун тут же встали по бокам от меня, горячие, мягкие губы обоих обласкали шею. Внутри плеснулась лава, обжигающим потоком пронеслась по венам, ударила в голову, оставив лишь желание быть одним целым с ними. Если бы не шест в руке Ильяса я бы так и забыла причину своего прихода сюда.

Не то чтобы я тут так уж редко появлялась, но смущать мальчиков своим видом я не хотела. Это сейчас они уже спокойно на меня реагируют, а раньше часто получали по шеям и пальцам от лукаво скалящихся сенсеев.

– А... ах, ещё... Арджун, Ильяс! В-вы... – выдыхала я в перерывах в поцелуях и ласках, – Соревнования... Что за?

– Амрит сказал? – сразу понял Джун. Виноватая улыбка сменилась понимающей, когда его рука накрыла мою грудь, и я повисла на нём всем телом.

– А кто же ещё? – спросил понятиливо Ильяс и погладил мою попку. – Мы хотели сказать тебе, но решили не мешать вам со змеем, – ревнивый укус в шею, мой всхлип, – Ты правда сейчас хочешь знать?

Взмах руки, дверь и окна окутались алым туманом, а я схватила обоих за шелковые гривы, притянула к себе, посмотрела в их глаза, передав по связи, что кто-то обещал интересную игру в госпожу. Ответное сияние в медовых озёрах и в чернильно-чёрных.

Интересная какая конструкция эта стойка для клинков! К ней я привязала руки обоих. Голые торсы притягивали мои руки, глаза и язык с губами. Сидя верхом на Джуне, я мучила обоих ласковыми поцелуями, поглаживаниями, а также весьма недвусмысленными движениями бёдер. Огромная, желанная плоть мужа уже упиралась в меня, я стонала, прижималась к нему так плотно, но не сдавалась. Чтобы завести его ещё больше, наказать и помучить, я оголила ноги Ильяса, вытащив желанный свой подарок. Склонилась над ним, а потом накрыла губами. Судорожный вздох моего черного принца, а затем рык Джунa, и стойка ломается к чертям!

Необидный шлепок по попе, а затем мой медовый шепчет на ухо, что я плохая девочка, что буду наказана. О! Если это наказание... Быстрые, сильные, жесткие толчки, Арджун сжимает мои бёдра, я выгибаюсь, я так хочу... больше! Ещё больше-е-е а-а-а!!! Рука Арджуна легла на моё горло, он целует мою шею, ещё раз входит в меня, покусывая ухо, взрыкивает, а потом отпускает. Теперь я в руках Ильяса. Он также обеспечил мне муки...

Его руки, сильные, красивые, родные, любимые, легко, зная точно, где я люблю и как именно их ощущать, гладят всё моё тело, за ними идут его губы. Горячий язык выписывает круги на коже, оставляет пылающий след, я хватаюсь за его плечи, опасаясь пропасть, потеряться в этих ощущениях. Ну же! Возьми меня наконец!!!

– Слушаюсь, моя госпожа... – со смешком прошипел он и спустился рукою по моей ноге к лону. Ласковые касания, я уже не могу больше ждать! Миг одиночества сменяется желанным чувством наполненности, нежные, неспешные движения Ильяса сводят с ума.

Если и это не поможет... К чёрту стеснение! Я вцепилась ногтями в его бёдра, переменяя боль от царапин с ласковыми, благодарными поглаживаниями за ускоренный темп. Ильяс шипит от боли, а потом подхватывает меня под попу и притягивает к себе. Я задыхаюсь от безумного наслаждения, руки шарят за головой, не находя опоры, возвращаются к его шее и плечам. Я лихорадочно зарываюсь в его волосы, рву их так сильно, я уже почти... Подхватив мой крик, он безумно, на грани боли, входит в меня и изливается, давая ощутить миг единения.

– Алойя... – шепчет он и опускается на локти по бокам от меня, – Ты – моё счастье, моя жизнь...

– Или... Ты знаешь... – да. Благодаря моей эмпатии все трое знают, как сильно я их обожаю, что их ласки слаще всего на свете, а один взгляд в их глаза плавит меня как масло сковородка.

– Только не злись, ладно? – гибкое и такое прекрасное тело мужа уже одето в синюю футболку и серые спортивные штаны.

– Мы сами ничего не знали до вчерашнего дня, – сказал Арджун и запаковал меня в юкату, в которой я теперь иногда хожу по дому.

Гандхарвы рассказали, что один из учеников, Судзиро, передал им приглашение на международные соревнования по десяти видам единоборств. Оказывается, нашимышленные уче-

ники, зная, что такой стиль боя нигде не зарегистрирован, сами его и назвали – что-то вроде «Сильный ветер с гор» и подали заявку!

Теперь Ильяс и Арджун, как их наставники, вынуждены ехать с ними в Киото и представить свою «школу»!

– А я с кем останусь?! – я понимаю, что вы все со мной, сколько бы миль нас не разделяло, но это совсем не то, что ощущать вашу близость каждый день!

– Прости! Но ты ведь не хочешь, чтобы мы подвели ребят? – серьезно спросил Арджун, обнимая меня и плава медовой сладостью очей.

Я вздохнула печально и уверила, что не хочу, конечно. Вопросы чести я считаю первоочередными, как бы там ни было. Приятно согрело изнутри уважение моих мужчин: я как жена была стоворчива и неконфликтна. Оба уверили меня, что я чудо. Это вы чуды! Оба! Мои...

– Когда вы уедете?

– Послезавтра.

– Не дуйся... – улыбка Ильяса выбила из меня дух, – Или дуйся... Сегодня ночью ты снова будешь в моих руках... Твои крики и стоны так заводят...

Нескоро ещё мы дошли до родителей. К обеду где-то. Мама с главой после рассказа Джуня переглянулись как-то виновато, наводя меня на нехорошие подозрения.

– Что? – не выдержала я.

– Мы... – начала было мама, потом смутилась, подхватила с пола Алилу, поцеловала её в лобик, погладила косички, поправив на них алые бантики. Я всё ждала и ждала, показывая, что не слезу, пока не вызнаю все подробности. А то вздумали вдруг от меня какие-то секреты заводить!

– Моя якшауни хочет сказать тебе, дочь, что мы планируем отбыть на Источники в субботу! – огорошил меня Соломон Санай. И тем, что дочерью назвал, и тем, что суббота была akurat послезавтра!

– Я останусь совсем одна? Только я, дети и младшие?

– Милая! – огорчилась мама. Я тут же устыдилась своего эгоизма. Они с главой помолвлены уже три года, но жениться пока не хотели, чтобы не беспокоить нас, ведь на такое событие съедутся множественные гости из разных краёв света.

– Прости... Так на сколько вы...

– На неделю, милая. Мы будем на связи, ты не беспокойся! Я понимаю, что ты не оставалась одна уже много лет, и теперь тебе не по себе, – мама пересела с Алилой ко мне. Я обняла их обоих, поцеловала маму в щёку, дочку в беленькую шейку. Она засмеялась от щекотки и завертелась. Моя прелесть...

Арджун и Ильяс тоже едут на неделю в другой город, другую префектуру, то есть округ. Никишима – сан уверил, что присмотрит за домом и мной тоже. Ну да, присмотрит как же! Он сам уже засыпает где ни попадя! Приходится укрывать его пледом то на диване, то на татами в комнате для гостей. Нет, он ещё бодр и полон сил, ведь наши божественные эманации с сыном позволяют людям рядом с нами долго быть молодыми, здоровыми, но он сам несколько ослабился. Как он сказал, что раньше он то мёл двор, то ходил в Юни, чтобы помолиться у святилища Инари. Теперь же молиться можно было непосредственно дома, у алтаря в своей комнате, а двор сам собою очищался от листьев ежедневно.

– Хорошо! – мужественно загнала я своё беспокойство куда подальше, улыбнулась ободряюще всей своей семье, – Я жду от вас сувениры и угощение!

В Японии все привозят друг другу именно кулинарные подарки. Это могут быть и кондитерские изделия, и мороженное со вкусом васаби, это может быть необычный соус. Разумеется, мои близкие привезут шоколад, ведь я его люблю. Дети получают каких –нибудь зверят, будут долго ими сражаться, а потом расплавят просто в воздухе и слепят что-то знакомое – Марки, например. Однажды они сделали его скульптуру в саду. Так Никишима – сан долго

гладил голубой лёд, замаскированный под живого любимца, потом только Амрит сжалился и сказал правду. Посмеялись тогда все.

Суббота наступила внезапно. Как ни цеплялась я за руки любимых, как не висела на их могучих шеях, не желая отпускать от себя, но потухшие глаза учеников, понимающих, что моя воля может сломить сопротивление учителей, отрезвили и заставили собрать своё достоинство в кучку. Я выпрямилась, вскинула подбородок, сжала губы сурово. Потом у меня дрогнул уголок губ – оба гандхарва уверили мысленно, что такой я их вообще невероятно возбуждаю.

– Лёгкой дороги, мои дорогие!

Ученики подпрыгнули и шмыгнули по машинам, обрадовавшись, что на этих соревнованиях им таки быть. Арджун бряцал железками в багажнике, Ильяс приматывал шесты на крышу. А мама с якшасом виновато прошмыгнули к серебристой машине главы. Я закатила глаза к небу. Неужели я так их пугаю? Амрит коснулся моей руки, я с улыбкой взяла его ладошку в свою. Ты всегда меня понимаешь, правда, милый?

– Да, я знаю, что ты рада за них. И тебе стыдно за то, что они так боятся твоего гнева.

– Амри... – выдохнула я и погладила его кудри. Густые, мягкие, антрацитово-черные. Наверное, если бы у меня и Энки был сын, то у него тоже такие же были бы. Тьфу ты! Не накликать бы...

Дверцы машин захлопнулись, последние гудки нам, и они скрылись за холмами.

– Скоро ты перестанешь грустить! – лукаво улыбался мой маленький бог. Я выгнула бровь, показывая, что вся внимание, – Папы...

– А вот и мы! – выдохнул мне в шею наглый синий любитель спящих дев!!!!!!

– Ты такая грустная, моя звездочка! Хочешь, мы сделаем тебя счастливой? – мурлыкал мартовским котом Вишну на другое ухо. Я покраснела от злости, рванула руку у Шивы, чтобы треснуть наглую синюю морду, но наткнулась на взгляд Амри, полный страдания. Он хотел, чтобы его отец, то есть отцы, жили мирно с его мамой. Только ради тебя, милый!

– Вы оставили миры, чтобы скрасить моё одиночество? – собрав всё своё терпение, я ответила абсолютно спокойно. Жадные губы и руки на своём теле я будто не замечала вовсе.

– Амри нам сказал, что ты волнуешься...

Амри, значит. Сын получил полный осуждения взгляд, но понял, что я уже не сержусь, подлетел к моему лицу, расцеловал в щёки и со счастливым смехом убежал в дом.

– Мы ненадолго, – уверил меня Шива, – Мы хотели бы остаться на пару месяцев...

– Ощутить твоё тепло... – выдохнул в мои губы Вишну, ласково и как-то несмело коснулся своими устами моих.

– Но для этого мы вынуждены взять силу сына. Поэтому уйдём завтра на рассвете.

Счастье теперь такое полное! Кажется, я их огорчила таким отношением. Но они меня также огорчают! Мы прошли в дом, боги обласкали моих детей, удивляясь тому, какие они ладные, красивые и талантливые. «Славно потрудились!» – сказали они, а потом рассмеялись, глядя на мои широко распахнутые глаза.

– Мы дали вам силу, помнишь? – конечно, я помню! Восстановив моё здоровье после рождения Амри, оба ненасытно любили меня пару часов, то возводя в ранг богини, то опуская едва не дворовой девки. Мои стоны, крики, моя злая страсть и обида на них жгли нас троих в медленном огне.

– Помню... Спасибо! – всё же поблагодарила я. Радость моих мужей стоила всего, что пришлось пройти на пути к нашему счастью.

– Скоро ты будешь ещё больше благодарна нам, сладость моя...

Я не обратила внимания на слова Шивы. Возможно он имеет в виду, что этой ночью они доставят мне неземное удовольствие? А что? В то, что оба уйдут, не вкусив моего молодого тела, я не верю. Уже сейчас оба так близко, что между нами нет ни одного миллиметра свободного расстояния. Их руки касались волос, рук, ног, плеч, они обжигали сквозь одежду, я

ощущала их на коже, в своей сути, их сила соединяла нас, не глядя на согласие-несогласие, на людские, божеские законы. Обоим было плевать на тех, кого они оставили в Алаке, сейчас они признавались, что я в их жизни заняла центральное место. Я и Амрит.

– Разве... – начала я и сглотнула от пристального, напряжённого взгляда Вишну, – Другая не могла бы...

Родить Амри, хотела сказать я.

– Нет. Мы знаем точно, – ответил на мой невысказанный вопрос Шива.

– Ты нас ненавидишь? – прямой вопрос от такого непрямого парня как Вишну.

– Нет, – я встала с дивана и отошла к окну. Прохлада весеннего полудня остудила горящие щёки, – Но... Вы женаты! А значит... чужие!

– Смотри... – сильная ладонь Шивы поднялась на уровень моих глаз. На ней маленьким солнцем сверкало кольцо.

– Кулеба прислал? Мне? – засияла я. Колечко было в форме змея, в пасти он держал большой белый шарик. В шарике мерцали... галактики! – Какая красота!

– Нравится? – Вишну довольно улыбался, но странное напряжение в его глазах мне не нравилось, – Это подарок.

– От кого? – подозрительно отодвинулась я от божественной ладони.

Шива повернул голову к брату, сурово глянул на него, от чего Вишну сразу же сбросил маску балагура. Оба впились в меня своими чёрными глазищами.

– Это то, что мы должны тебе, Алойя! Это твоя судьба, твоя награда за наш обман. Да, мы знаем, что ты до сих пор не простила нас!

Я отвернулась и скрыла злые слёзы. Да! Я всё ещё не простила вас! За Лакшми, за боль от кары Кали, за вашу силу, что гнёт к земле, за то, что грубально наставили рога моим мужьям! Да за всё! Но у тебя есть Амри! Есть Алила, Аджая и маленький Кит! Я призналась себе, что злость уступает... огромной благодарности, удивлению, что оба бога-отца так почтительны со мной, что плюют на своих гадюк и приходят, жертвуя колоссальными силами, чтобы увидеть меня и сына. Хотя могли бы – я знаю! – забрать его в Алаку, и только его и видели!

– Вы... уже одарили меня сверх меры, Шива, – кивнула я на детей.

– Ты не представляешь, как я рад это слышать! – выдохнул он и прижал мою руку к своей щеке.

– Луна коварна, помни... – шептал Шива, глядя в мои глаза.

– Не всегда предают, предавая... – подхватил эстафету непонятных пророчеств Вишну.

– Ладно, ладно! – я отодвинула их от себя, а то уже сидела на подоконнике, притиснутая сильными телами с однозначными намерениями, – Я всё поняла! Идём к детям!

Оба удивили меня покорностью. Мы мирно играли то в куклы, то в прятки. Да они даже лошадками побыли! Я давилась от смеха, наблюдая дивную картину: оба бога, накинув на спины красные накидки с дивана, изображали бравых жеребцов и возили детей на себе добрых полчаса.

Мой смех облетел весь замок, наверно. В глазах обоих я видела неподдельную радость и... счастье? Ласково поцеловав напоследок девочек и Кита, боги стали опрашивать единственного свидетеля моей жизни, то есть Амрита.

Сын вздохнул и делился своими маленькими радостями: тренировки с гандхварвами, полёты с сестрами и братом, рыбалка с Никишимой -саном, кулинария с мамой, с бабушкой, изучение языков, путешествия по галактикам с помощью Взора. Я поражённо внимала сыну. А почему мне не говорил? Боялся за меня? Что стану беспокоиться? Правильно боялся! А ну как пропадёшь там со своими взорами?

– Алойя! – смех богов бархатом и неслабой ментальной волной удовольствия прошёлся по организму. Оба напомнили в очередной раз глупой вороне, что не ей тягаться с ними. Им

по такой туче лет, что я младенец по сравнению с ними. Обида полоснула сердце. Что за? Мне так важно их мнение?!

– Прекрати, махатма! Ты – наша супруга, ты мать нашего сына...

– Суп... М-м-м!!! – возмущённо, – Ум-ум-м-м... – расслабленно и со всё возрастающим желанием. Умеют же они меня так отвлечь, что забываю обо всём.

– Да! Не сомневайся больше в нас. Кали ушла в миры по Небесному мосту, Лакшми, когда вернётся... я поговорю с нею сам. Я так виноват перед тобой! Никогда так не страшился я: битвы и смерть не пугали так, как твоя возможная гибель, – каялся Вишну и ласкал моё лицо своими ладонями, – Пески времени показали твою боль, звезда моя... Никому не позволю сделать тебе больно!

И так страшно прозвучали эти слова, что я даже вздрогнула. Сейчас это был гнев во плоти, это была кара, суровая и безжалостная. Но его ладони ласкали мои щёки, спустились на волосы, он прижал меня к себе, будто я его желанное дитя, глупое, но любимое. Сейчас только я смогла поверить... что они дорожат мною.

– Мне не нужен этот статус, Вишну. Мне достаточно вашей помощи, что вы дали мне Амрита, – уверяла я их.

– Если ты нас отвергнешь... Значит, мы столь ненавистны тебе...

– Н-нет... я не... ты специально, да? – нет. Шива серьёзно глядит из-под широких бровей-стрел. Вишну тоже застыл у моего левого плеча. Парни... Ну зачем всё усложнять? – Зачем?

Вечер закончился тем, что я уложила малышню, спела им две колыбельные. Мне показалось, или боги наслаждались концертом? Алила уже сопит тихо, Джая морщит носик и не отпускает мой палец, Кит обнял Амри и уже мирно спит. Амри то открывает, то закрывает глаза. Ну да, кто же из детей спит, когда взрослые так жаждут остаться одни?

– Мы присмотрим за ними! – пообещали прислужницы, и я успокоенная ушла из детской в свою комнату.

– Если ты скажешь нет, мы больше не придём. Амрит сам нас найдёт, когда станет ходить по мирам, – сказал Шива. Он сел в кресло, скрестил на груди две пары рук. На лбу снова появился пугающий глаз с ярким светом внутри. Изящный, стройный, женственный, он тем не менее излучал силу и мощь.

Вишну стоял напротив картины с якшаси, обернулся и кинул на меня странный взгляд. Я не знала, что делать, что сказать. Сейчас, уже по прошествии пяти с лишним лет, моя обида несколько улеглась, сгладилась, ведь наша семья такая крепкая, без ревности, без обид. Мы понимаем друг друга, принимаем всё, что составляет нашу суть. Но что будет, когда я соглашусь на это? Этим двоим что? Уйдут себе в Алаку или в другие миры, а я стану с беспокойством думать, где они, что делают?

– Я не знаю... Я странно себя чувствую с вами. Будто стоит мне сказать то, чего вы так добиваетесь, и вас точно ветром сдует! – прошла к столику и вытащила шкатулку, – Энки написал, что не забыл меня. Ему я также что-то должна?

– Если бы в тебе не было того, что дало нам надежду, мы не стали бы...

– Вы... знаете? – я покраснела и отвернулась. Ну конечно они знают! Чтобы всеильные боги и не поняли, не высмотрели во мне...

– Скажи...

Да! Вы оба меня волнуете! Довольны? Ваши руки, охватывающие ласками всё тело, ваши голоса, вы шепчете, но будто кричит сам мир... что я ваша, что я дарю вам Вселенную, дарю счастье, силу и желание жить снова. Я чем-то буду обязана?

– Только этим...

Мягкий, длинноворсный ковёр, укрывающий пол моей комнаты, стал нашим ложем. В мои глаза смотрела бездна из глаз Шивы, спина была обласкана Вишной. Решив дать согласие на союз с ними, я впускаю обоих в свой круг, в свою жизнь. Мою нежность, мою ласку и страсть оба встретили жадно, радостно. Вишну дышал прерывисто, всё всматривался в мои глаза, ожидая отказа. Иди ко мне! Полюбовалась на сильное тело, нагое и уже готовое к любви, коснулась его естества. Снова миры и вселенные, снова он пьёт моё дыхание, шепчет на языке богов, во мне бушует океан силы, отданной мне любовником-сотворителем миров. Уложил меня на себя, сзади прижался Шива. Горячие уста обожгли плечо. Да, я жду вас... а-ах! Обоих... Я схожу с ума, я теряюсь, я парю над этим миром, над домом, над полом. Нежные, такие неспешные движения, они заставляют выгибаться и молить продолжить эту пытку. Я кричу, молю, я грожу карой, если сейчас, в этот миг оба не наполнят меня... С грозными рыками они кусают меня: Шива за плечо, Вишну мою руку, которой я вцепилась в его волосы, оба рвутся в меня, всё сильнее, все быстрее.

Я лежу на груди Вишну и всхлипываю. Это было потрясающе! Нас так потрянуло! Это что было-то? Это и был союз? Союз богов, мы разделили силы, эмоции, судьбы. Не нужны больше слова: я знаю, что они не будут настаивать на моём переезде в Алаку, на верности лишь им двоим, они примут всё от меня и даже больше.

– Мы даём тебе то, чего ты так жаждешь, Алойя! – загадочно прошептал Шива, – Ты поймёшь скоро...

– Подарки внизу, – я непонимающе посмотрела на Вишну, – От всех остальных.

Едва сдержала любопытство, так хотелось сбегать вниз и посмотреть на подарки наших друзей-богов. Что же принесли мои божественные супруги? Эта мысль понравилась синим богам так, что оба требовали назвать их так вслух.

– Супруги... мои... – дальше уже не до разговоров было. Я думала, что после невероятного, сумасшедшего оргазма уже не смогу захотеть их снова. Но осторожные и нежные касания Вишну отдались болезненной тянущей болью внутри, я закрыла глаза, отдавшись во власть его рук. На живот и грудь легла шёлковая грива Шивы – разве мог он стоять в стороне, когда брат уже почти заставил меня молить о большем?

Утром папы дружно прошагали в детскую, обласкали Амрита, наказав тому быть самым серьёзным, ответственным и так далее братом, смотреть за младшими, за мамой. Я прижалась спиной к двери и слушала, как они говорят сыну, что он должен быть осторожнее с силой, путешествиями в мирах, что любят его и меня, что мы для них всё.

– Уже? – печально спросила я. Сейчас я так хотела, чтобы они остались.

– Мы всегда с вами...

Я знаю, я ощущаю вас где-то внутри. Сейчас о том, что я согласилась на их предложение, уже знают и Аигот, и Ильяс с Джуном. Несогласных нет, а гандхарвы так и вовсе горды моим возвышением.

Последний поцелуй, я замираю в их руках, снова шёпот, снова клятвы и признания, а затем их силуэты стали размываться. То ли от моих слёз, то ли они уже перешли грань миров. Я тоже... я тоже буду ждать вас! И любить... синие, невыносимые, такие преданные и настойчивые.

ГЛАВА 4. Похищение строптивой

У порога Дворца Лисиц на высоких шестах полоскались на ветру два белоснежных флага с алыми силуэтами зверей. Ветер становился всё сильнее, он уже рвал ткань зло, безжалостно, он свистел в очагах, огонь в маленьких жаровнях в комнатах младших кицунэ трепетал и грозил затухнуть совсем. Акеми неустанно посылала новые огненные шарики в сухие щепки, пытаясь поддержать пламя.

Деревья раскачивались в саду, за домом так неистово, будто сейчас сломаются пополам, ветки били по крыше, шорох листьев, которые закручивал в вихрях ветер, был еле слышен, но дополнял картину бури.

– Что это, Акеми? – прошептала бледная до синевы Юки. Обе замерли в страхе, услышав жуткий скрежет. Эта стена выходит на улицу, а значит, там происходит что-то страшное!

– Может позвать госпожу? – высказал кто-то умную мысль.

– Идите все к нашей ками! – решила старшая лисица. Акеми никогда не слышала ничего подобного. Были в их краю и грозы, и пожары, и даже нападения саранчи случались. Но то были звуки самой природы. Им были рады, а иногда просто переживали, ведь это часть мира, а он знает лучше, когда и какому явлению возникнуть. Но это...

Вот! Опять скрежет! К нему прибавилось шипение, стрекотание, постукивание, и стенку прорвали! Острые, отливающие алым когти, с треском сорвали плотную рисовую бумагу с бамбуковых перегородок, выломали их, и в комнату запрыгнули огромные, страшные они (1)!

Побег девочек-лисиц ускорился в разы. Но везде на пути возникали страшные ёкаи (2), тянули к ним лапы, хвосты с шипастыми концами, по потолку забегали пауки со старушечьими лицами, треск и скрежет повсюду! Акеми и Юки, как кицунэ, достигшие возраста шестого хвоста, выпускали мелкие огненные шарики, заставляющие нежить замереть на несколько мгновений.

Этих минут хватило, чтобы сбежать к покоям госпожи Инари. Инари-но-ками сражалась! Две огромных нуре-онна (3) нападали на неё с двух сторон. Госпожа сражалась своими прелестными алыми веерами, отрезая полузмеям то одну голову, то другую. Дважды по три раза она смахивала скалящиеся головы с их зелёных туловищ, только тогда издохли они, дёргаясь, круша хвостами стены, разбрасывали циновки, посуду, личные вещи богини.

– Все здесь? – спросила Инари-но-ками свою дочь Акеми.

– Да, матушка! – девушка ещё раз сосчитала младших, с радостью отметила, что к девочкам прибились и мальчики. У всех в руках по звёздному шару, который являлся вместилищем их сил.

– Тогда отправляемся! – взмахнув окровавленным рукавом, госпожа Инари разверзла провал перехода, – Идём к брату!

Подождав, пока все дети войдут в сияющий овал, богиня последний раз окинула взглядом свой разорённый дом и ушла в переход.

Едва за лисами закрылся портал, на порог вплыли трое: худой мужчина в пропыленной, изорванной одежде, за поясом у него был дорогой меч, на лбу сиял ярко полумесяц, за ним двумя бестелесными призраками влетели хари-онна, женщины-ёкаи с длинными волосами, оканчивающимися острыми крюками. Их окровавленные рты свидетельствовали о сытной трапезе.

– Они не любят меня! Никто не любит! И отец отказался. И мать! – плакал навзрыд мужчина, воздевая к небу свои худые руки с обломанными ногтями. Его длинные, спутанные волосы серо-чёрной копной лежали на сутулой спине.

Обе девы согласно жмурились и поддакивали. Сейчас, когда благодаря господину Сусаноо у них вдоволь человеческой плоти на обед, они готовы потакать ему в любых его начинаниях или жалобах.

– Догнать их? – прорычал сквозь клыки зелёный бугай с тремя рогами на лбу. Его бугристые руки стиснулись в исполинские кулаки – желание крушить живую плоть раздирало изнутри.

– Не хочу! – капризно протянул бог бури, – Я устал!

И он просто завалился на татами, даже не сняв обувь. А ведь это неслыханное оскорбление хозяйке! Впрочем, хозяйку ведь согнали с места, а её дом почти полностью уничтожили. Нечисть, повинаясь воле господина, расположилась в комнатах, заляпав всё вокруг своей голодной слюной, кровью и испражнениями. Змедед, убитых богиней, уже сожрали – не пропадать же добру? Они ещё долго ходили по двору и крушили столбы, заборчики, кадки с цветами, забросали мусором колодец, сорвали знамёна госпожи Инари.

На земле то тут то там стали расплзаться чёрные пятна. Они подступали к зелёной траве, и та будто стремясь убежать, отдёргивала свои ростки. Но тьма и скверна неумолимо настигали всё живое: свернулись жуткими изломами деревья, листья опали серым пеплом, навеки умолкли птицы, не успев даже вскрикнуть напоследок, цветы оплыли гадкой слизью. Одно лишь присутствие бога-плаксы уничтожило полное растений поместье.

Пока госпожа Инари рассказывала брату тревожные вести, пока успокоила своих детей, в стране Ёми произошло следующее.

Проклятый лис миновал место, где всё ещё сидел Идзанаги-но-микото, бог-создатель восьми островов. Волосы ками снова отросли, достигли корней первого ряда деревьев. Лис покачал головой осуждающе, оставил возле бога свёрток с жареной рыбой и стремительно зашагал дальше, не оглядываясь, всем телом ощущая гудение силы возле его сутулой фигуры.

Врата Подземного царства выросли внезапно. Чёрные, покрытые паутиной, а также огромными, плотоядными пауками, они испускали могильный холод и осязаемый мрак. Он жадно лизал сапоги Шинджи, едва не скулил от нетерпения съесть его плоть.

Лис стиснул в руках меч и светоч – свой звёздный шар, готовясь вступить в бой. Но створки вдруг распахнулись вовнутрь. Из тёмного, холодного тоннеля вылетела стая огромных летучих мышей, противно вереща. Кажется, его встречают...

– Кхе! – откашлялась старая, гнусная ведьма и засмеялась визгливо, – Так вот каков ты, проклятый лис! Ну заходи, красавчик! Твоя бабка ожидает вестей! А уж как мы соскучились по живым...

Ведьма шла впереди, шлёпая босыми ногами по отвратной жиже, которая укрывала здесь всё от пола и до потолка. Сверху капало мерзкое, смердящее масло. Лис сжигал его пламенным доспехом, который активировал тут же, как ступил на ступени прохода. Он уже давно достиг своего предела: девятый хвост появился аккуратно в прошлом году. Теперь ему была доступна магия иллюзий, огня и мгновенная трансформация в лиса, как полная, так и частичная.

Светоч выхватывал из вечной тьмы чьи-то останки, скелеты, то выбеленные, уже сто раз облизанные сороконожками и гадюками, то свежие, с кусками плоти, в которой копошились отвратительные личинки и черви, то призраков, прозрачных, бесплотных, но таких жутких. Из земляных стен тянулись руки с крючковатыми когтями, кто-то выл и стонал. Откуда-то тянуло тленом, кровью, испражнениями и рвотой. Да уж, есть здесь не тянуло совершенно. Это радовало, ведь еды с собой Шинджи не взял принципиально. Он или умрёт здесь, или вернётся так быстро, что не успеет ослабнуть.

Ведьма безумно хохотала, бормотала бессмыслицу, несла что-то про его судьбу, что уже близко. Лис презрительно скалился, не желая вслушиваться, но тогда старуха с неожиданной силой хватала его крючковой рукой за рукава кимоно и заглядывала двумя бельмами прямо в душу.

– Не веришь? Ты так давно проклят, что уже смирился? Да, ты бедненький... – засюсюкала она противно. Лис гневно зарычал и выдрал руку из её сухих пальцев, – Кто ждёт, тот всегда дожидается, лис! Иногда лучше подождать и получить...

Шинджи с удовольствием показал бы ведьме, как можно получить от воина на орехи, но сейчас она нужна ему живой. Пока нужна. Он искривил алые губы в жуткой усмешке, представив, как ломает кости наглой сумасшедшей.

Дважды спускались они по скользким, смердящим чем-то гадким, лестницам. Дважды по тридцать ступеней, затем четыре поворота вправо. Сумеет ли выйти сам? Лис не знал, но в памяти уже отложилась карта пути, дав надежду на благополучное возвращение домой.

– Скоро, лисёнок, скоро! – скрипела мерзкая старуха, потрясая лохмотьями, оголяя свои мохлявые, синие ноги. Она была слепа, но видела всё. Как бы не пророчествовала! Потом ведь сбудется всё, как не хотел Шинджи признавать, что ведьма действительно могла обладать даром видеть судьбу.

Они подошли к ещё одним воротам. Их облепили плотным ковром безглазые, с длинными, худосочными телами создания непонятного пола. Они гладили грубые, полные торчащих сучков и гвоздей, створки, размазывая свою студенистую кровь по дереву. То жадно впитывало гадкую субстанцию, снова и снова прорастали колючки, ожидая добавки.

– Госпожа ждёт тебя, Шинджи! – указала на врата ведьма. Лис гневно раздул ноздри своего породистого носа, показав, что не понимает такие шуточки, – Иди, не бойся!

Гнев захлестнул лиса с головой, но Шинджи быстро усмирил его: если ты зол на врага, то ты уже проиграл. А он намерен победить! И выйти отсюда к матери и сёстрам. Стиснув меч и светоч, лис метнулся к створкам, разметал визжащий клубок уродин и с пинка открыл одну из створок.

Врата рухнули внутрь огромной, уходящей в даль, пещеры. К самому порогу подбирались десятки жадных щупалец ярко-фиолетового цвета. Они вслепую шарили, не находя добычи. Но едва ноги Шинджи оказались близко от них, тут же стали судорожно сокращаться, будто черви.

Лис поднял глаза с них на огромную гору. Какое благо, что большую часть сиятельной некогда ками он не видел из-за густого мрака! Потому что то, что было на свету, навсегда останется в его памяти самым страшным воспоминанием. Шинджи опустил глаза в пол, ожидая, когда Идзанами-но-микото заговорит первой.

– Шинджи... – прошелестел, прогрохотал, провизжал голос богини Смерти, – Ты принёс печать от моей дочери Инари?

– Да! – твёрдо ответил лис, не показав ужаса. Этим он так понравился богине Смерти, что её щупальца тут же отдёргнулись от его сапог. Хорошо... не то пришлось бы их отрезать катаной!

– Дай мне её!

Свиток упал на отростки, один из них тут же обвил его и понёс к хозяйке. Идзанами-но-ками долго молчала, шурша бумагой. Лис терпеливо ждал. Сзади будто прошёлся небольшой сквознячок по спине. Шинджи рубанул, не глядя, с плеча. Мерзкий писк и бульканье сказали, что оставаться здесь не стоит. Не зная, с какой стороны будет следующее нападение, он встал у стены, чтобы видеть и госпожу Идзанами, а особенно – нечисть, почуявшую его кровь. Он не обольщался: богиня не станет его защищать. За тысячелетия своего существования здесь она перестала быть живым, мыслящим существом. Теперь это странное создание, сочетающее

в себе хищную нечисть, тьму, ненависть, извращённый разум сотен тысяч мертвецов, зачастую далеких от праведности.

Пока богиня читала, а затем что-то царапала в ответ своим же когтем и своей же кровью, Шинджи успел дважды отбить нападение ёкаев.

– Неси назад! – бросила свиток богиня.

Шинджи коротко поклонился с почтением и выбежал из зала. Но со стороны выхода его уже ждали. Скелеты, изломанные, соединённые кое-как, змеи, уроды, людоеды, демоны и ведьмы – все они горели алыми огнями в своих голодных глазах. Шинджи усмехнулся зло, в его теле бурлил сумасшедший азарт воина, идущего на смерть, но намеревающегося забрать с собой как можно больше врагов. Конечно, убивать нежить в Аду, полном этой самой нечисти, что вычёрпывать ситом воду, но уж он отведёт душу!

Искренний, такой красивый смех этого сильного мужчины разорвал настороженную тишину подземелий, и лис врзался в самую гущу ёми.

Паучихи с голыми грудями быстро поняли, что проклятый лис носит своё звание не просто так: десять товарок уже превратились в визжащие факелы и поползли по проходам в поисках хоть какой-нибудь жидкости. Они ещё не знали, что женщин проклятие не любит ещё более люто, чем мужчин. Лис вертелся чёрно-алой молнией, снося головы, рубя щупальца, крючковые пальцы. Но когда к выходу оставалась жалкая пара метров, на него надели особенно сильно: скелетонам был нипочём его огонь, йорогумо сообразили бросать в него свои сети, и теперь он не успевал разрубить очередную паутину. Двадцать слоёв понадобилось, чтобы спеленать его, как младенца. Предвкушая сытную трапезу, сползались ёкаи всех мастей к извивающемуся и рычащему лису. Как вдруг!

Полыхнуло так, что подземелья задымились, пламя неистовой волной хлынуло из прохода в страну Ёми, снесло врата и тех, кто был за ними.

– Хозяйка гневается! – проскрипела ведьма, стоя за стенкой у входа. Она довольно хихикала, – Я доведу тебя до неё!

Лис уже устал разгадывать её загадки, поэтому лишь стряхнул с себя пепел, подобрал меч, шар, пнул обгорелый труп одной из йорогумо (4) и стремительно зашагал к реке.

Неважно, что там сидит бог, способный его превратить во что угодно, убить одним усилием воли. Сейчас он так же, как и когда-то Идзанаги, хотел очиститься после мерзости Подземного царства.

– Грозная, грозная госпожа твоя!

Ведьма плелась следом, вызывая глухую злобу и желание прихлопнуть её как муху. Шинджи решил её просто игнорировать. Он выстирал кимоно, уложил его и штаны на камень, а сам долго плавал в прохладной воде, наслаждаясь её ласковыми волнами. Ведьма наконец заткнулась. Может, издохла? Как бы не так! Стоило лису выйти на берег, как поток сумасшедших пророчеств вышел на новый виток.

– Зелёный свет напротив... Касание разбудит память...

– Или ты заткнёшься, или я сей же час порешу тебя! – зарычал лис и приставил катану к тонкой шее старухи.

– Ты слушай меня! Эйуко при жизни гнали за то, что она знала всё на свете! Князя, сёгуны, императоры – все просили правду, но за неё же и били!

Лис отступил. Если это правда, то кто он такой, чтобы обрывать её не-жизнь? Кстати, зачем она за ним потащилась?

– Так госпожа моя, Идзанами-но-микото приказала! – просто ответила ведьма на его вопрос, – Сказала, что раз уж я вижу твою судьбу, то мне и оберегать тебя!

Лис застонал от злости. За что? Неужели госпожа Идзанами разгневалась на то, что он не дал себя сожрать? Да ну... это было бы слишком. Шинджи мрачно усмехнулся, сузив свои

раскосые чёрные глаза. Он ещё поборется! Сдаться он всегда успеет. Что там эта полоумная сказала про госпожу?

– Ах! Какая же грозная, какая сильная госпожа твоя! – закатила бельма Эйуко.

– Чего? Ты про мою ками? – не понял сначала он. Кимоно и штаны уже высохли, сапоги тоже. Пора одеваться и идти домой.

– О нет! – бегом семенила за широкими шагами лиса ведьма, – Твоя настоящая госпожа! Это сильнейшая ками всех миров! Она спасла тебя сегодня! Её пламя убило всех в стране Ёми! Госпоже Идзанами придётся заняться сотворением новых слуг!

Вот уж чему лис ни капли не сочувствовал! Плодить мерзость – невелика заслуга. Впрочем, это не его ума дело. Пусть боги сами разбираются, кто и что будет плодить. Помимо воли в голове засели слова ведьмы про то пламя, которое так неожиданно пришло ему на помощь. Что же это было? Перед взрывом он ощутил чей-то гнев... не на него. За него. Будто чья-то воля охраняла его, не давая умереть. Он нужен кому-то? Кому же? Сёстрам и матери, само собой. А вдруг ведьма... права? И где-то есть таинственная госпожа? Но зачем тогда ей было насылать на него проклятие? Лис, совершенно измученный посеянными ведьмой сомнениями и голодом, ведь в стране Ёми нельзя ничего есть, а около этой земли не водилась ни дичь, ни рыба в реке – Шинджи брёл уже на одном упрямстве.

И снова его будто поддержали! Тёплая волна прошла от макушки до самых пяток, мгновенно вернув бодрость, силу духа и желание идти дальше. «Кто ты?» – прошептал лис, глядя в звёздное небо. Ни небо, ни яркие звёзды, ни луна ками Цукиёми, что стала над лесом тенгу, ничто не могло дать ответ. А та, кого ведьма Эйумо назвала госпожой Шинджи, спала, измученная переживаниями.

Госпожа Инари лежала на татами в роскошных покоях во дворце Цукиёми-но-микото. Она была измучена событиями прошлого дня, битвой, а ещё больше – сомнениями и страхом. Да, да! Настоящим страхом, что скверна настигнет и это поместье, а потом им будет негде прятаться!

– Где же ты, Аматаэрасу? – простонала она в ладони, закрыв лицо.

Акеми жалостливо кривилась, сдерживая слёзы, и гладила госпожу по плечу.

Лисички сбились в кучу, переживая за мать-ками. Они знали, разумеется, о ками ветров и бурь Сусаноо, но полагали беспечно, что его тёмная сила никогда не коснётся белоснежных одежд госпожи, что у неё хватит сил дать отпор, защитить свою землю.

И вот сейчас их ками лежит на полу и стонет от досады, страха и бессилия!

Цукиёми-доно встретил их искренним изумлением: с момента их последней встречи прошло всего ничего. А уж когда Инари-но-ками поведала, цепляясь за его руки, кто пришёл в её поместье, бог Луны окутался густым молочным туманом, выказав небывалые эмоции.

– Я разослал печати всем ками нашего мира! – сказал он, влетая в комнату, – Мы соберём совет и решим, как обезопасить себя на то время, пока Хикэру не вернётся.

– Хикэру? – поднялась тут же Инари-но-ками, – Нужно послать кого-то им навстречу! Ведь он может её обидеть... испугать!

– Ты сомневаешься в нём? – не мог не спросить лукаво брат, но тут же посерьёзnel, – Он ведь не полный идиот, чтобы обижать ту, что должна помочь нам всем? Ведь так?

Инари-но-ками грустно опустила глаза в пол, белоснежные волосы, ковром устелившие циновку, скрыли её удручённое лицо. Более всего сейчас желала она, чтобы сын хоть раз в жизни проявил благоразумие и не оскорбил молодую ками! Если она и вправду так сильна, то её гнев – это последнее, что им сейчас нужно.

– Не знаю, брат... Не знаю...

Через трое суток, да и то определить время могли лишь боги, ведь уже довольно долго день не сменялся ночью: с исчезновением Амата́расу-но-микото солнце не восходило на небосклоне – прибыли созванные на совет ками.

Первым, перекатываясь, будто лавина в скалистом ущелье, притопал грузно бог Гор Яматуми. На нём были старые, выцветшие уже тряпки, кимоно всё в дырах, рваных полосах, будто он падал на острые края скал и оставался жив, а одежда портилась. Не исключено, что так и было, ведь и сейчас он неуверенно тыкал своим посохом впереди, опасаясь неровностей дороги.

– Надо же! Брат, ты на ровной земле чувствуешь себя так неуверенно? – поддел грозного повелителя камня ками приливов Пая.

Яматуми замахнулся на него в сердцах своим каменным посохом. Пая сморщил свои лягушачьи губы в подобии улыбки и взмахнул своим небесно-голубым кимоно, сразу перемещаясь на пять метров влево. Он, как море, был текуч и неуловим.

– Да будет тебе, Пая! Ну что ты всё к нему цепляешься? – с досадой пропела Паниясу, богиня воды. Она подошла к брату и склонила на его плечо свою черноволосую головку. Лазурная кожа её переливалась всеми оттенками океана, на шее и руках были длинные нити жемчуга, в другой руке она держала огромную белую ракушку, которой управляла водной нечистью.

– А что он всё стучит ею? – снова стал насмехаться Пая.

– Ему неважно быть здесь, милый! – тихо прошелестела благодная старушка в тёмно-синем кимоно.

– Твоя доброта не знает границ, Каннон! – уже не зло поддел брат богиню милосердия, которая сегодня выбрала этот жалкий образ, – Может ты уговоришь Сусаноо не захватывать наши земли?

Сухонькие ладошки всплеснули, ками доброты осуждающе покачала головой и пустила горячие слёзы по морщинистым щекам. Она готова плакать и причитать от чего угодно, всё вызывает её жалость и сочувствие.

Боги стояли во дворе около Лунного дворца, ожидая остальных вызванных на Совет. Они могли бы конечно зайти в дом, но уж лучше собраться всем и сразу. Долгие расшаркивания только оттянут неизбежное: обсуждение тревожной ситуации в их мире.

Послышался треск, в небесах загрохотало, резвились молнии одна длиннее другой. Райдэн! Так и есть! На серые плиты двора мягко приземлились восемь райдзю – зверей, состоящих из электричества, служащих богу Грозы. На одном из небесных волков сидела Насикава – сестра по отцу Идзанаги. Жрица из его храма, она так горда своим исключительным статусом! Как же! Она выполняет его волю, она собирает ему ману для счастливой жизни!

– Чего не идёте? Цукиёми не пускает? – затрещал гневно своими волосами-молниями Райдэн.

– Вас ждём! – растянул жабы губы в улыбке Пая, – Вот уже все убогие пришли! – и он кивнул на Яматуми и Каннон.

Паниясу осуждающе качала головой, но всё равно нежно льнула к супругу-брату, ведь они неразрывно связаны навеки. Каннон поджала сухие губы, но смолчала: она не могла противостоять чьей-то воле, грубости, ведь вся её суть тут же начинала искать оправдания обидчику.

– А кто ещё не пришёл? – мелодично, но слегка стервозно спросила Насикава и легко спрыгнула с бело-синего волка. Больше всего ей сейчас хотелось вернуться в храм, к его тихим комнатам, молчаливым слугам, кланяющимся ей едва не до земли. И к своему любовнику, которого она вывезла из Идзумо.

– Фукурокудзю, Дзюродзин, Хотэи, Хатиман, – перечислил методично за ними тихий голос Цукиёми-доно, – Не стоит ссориться, мои дорогие! Мы все сейчас в опасности! Проклятие брата будто получило новые силы...

Боги постояли молча, коротко переглянулись, но согласились, что важнее действительно сплотиться. Кто знает, куда подастся безумец после поместья лис?

В ворота входила армия – прибыл брат Хатиман. Он, как бог «Тысячи флагов», то есть войны и военных завоеваний, когда флаг означал смену властителя, всегда путешествовал со свитой из своих солдат. Мужички, отдавшие ему и тело, и душу, навсегда оставались с ним, пиروвали вволю в его дворце, на них равнялись, почитали героями.

– Я здесь! – пробасил он. С ближайшего столба свалился серебряный шар и покатился к ногам Цукиёми-доно.

– Рад видеть тебя, брат, – поклонился ему ками Луны.

– И мы! Мы тоже здесь!

Трое толстяков: Фукурокудзю, Дзюродзин, Хотэи, которые отвечали за удачу, веселье, чревоугодие и плодovitость, с широкими улыбками оббежали войско Хатимана и устремились к собравшимся ками.

– Прошу вас, – прошелестел в волнении хозяин дома, – Будьте моими гостями!

Ками чинно расселись на татами, угостились вкусной едой, стали понемногу переговариваться. Цукиёми-доно ждал свою сестру Инари-но-ками. Она всё ещё не вышла из своей комнаты. Но вот фусума с шорохом отодвинулась, и в комнату всплыла величаво белоснежная, прекрасная ками. Она поклонилась гостям и села рядом с братом. Теперь можно начинать. Цукиёми-доно первым взял слово. Он рассказал, что их с сестрой печати не достигли Амата-эрасу-но-микото, что госпожа Инари лишилась дома, который уничтожили они Сусаноо. Боги поражённо выдохнули! Неслыханно! Плакса ещё никогда не поступал так вероломно! Он пачкал землю, а Аматаэрасу её вновь очищала, так было веками!

– Неужели она вновь пропала? – ахнула Паниясу.

– А может снова в пещере отсиживается? – пробасил Хатиман, – Помните, как мы её тогда выманили?

Да, боги устроили тогда славное представление! Мелкая, молодая ещё богиня танца Удзумэ повеселила всех непристойными, но задорными плясками. И даже их упёртая сестра выглянула из пещеры! Тогда они её в несколько рук вытаскивали!

– Ты ведь знаешь, что печать настигла бы её и в пещере! – уверила брата Инари-но-ками, – Нет! Её нигде нет!

– И солнце уже не всходит... – задумчиво проговорила Насикава.

– Что предпримем? – прямо и серьёзно спросил Хатиман. Он, как воин, не любил экивоков и глупых словесных вуалей, к которым были склонны большая часть его родичей-ками.

– Нужно посмотреть в её дворец на Равнине высокого неба! – проскрипел вдруг Яматуми. Он сидел, согнувшись в три погибели над маленьким столиком, пыльные одежды раскинулись вокруг. Пая и Паниясу гадливо поджимали губы и демонстративно отодвигались подальше.

– Мы уже посылали туда оками (5), – сказал Цукиёми-доно, – В её дворце ни души! Исчезли слуги, её табун. В храме нет ни одного жреца, на станке срезаны все нити до единой! Но следов борьбы нет.

– Странно. Может она просто сбежала по Небесному мосту? – спросил Райдэн.

– Это могут знать только наши Верховные! – напряжённо улыбаясь, тихо ответила Инари-но-ками, – Я...

– А что ты про сыновей своих говорила? – разулыбался Хотей, – Славные, славные воины, твои старшие!

– Шинджи!

Госпожа Инари встрепелась и потребовала медное зеркало. Акеми тут же поднесла его матери, будто знала. Хотя... конечно, знала. Наверняка, это представление готовилось и весьма тщательно.

– Мы сейчас и посмотрим, где они...

Шинджи уже миновал земли Химука, подходил к лесу Тенгу. Совсем немного ему осталось до разорённого дома! Но мать уже послала печать навстречу. А вот и она! Белый свиток упал на лиса просто с неба. Шинджи развернул бумагу, прочёл весть и яростно зарычал. Чёрные глаза с алыми огнями в глубине пылали гневом, решительностью. Он готов был тут же сразиться с нечистью Сусаноо-но-микото! Но мать звала в другое место... Лис махнул кому-то за своим плечом и зашагал мимо леса, к горам.

– Это что, ведьма? – подался к зеркалу поближе Пая, – Это же ведьма госпожи Идзанами!

– Эйуко! – подсказала супруга и важно кивнула в ответ на удивлённый взгляд Инари-но-ками.

– Мать послала? – спросил Цукиёми-доно.

– Да, – ответила Инари-но-ками, – Я не рискнула ещё раз отправить послание к ней по эфиру. И поручила это сыну.

– И Шинджи живым ушёл из страны Ёми?! – мимоходом удивились остальные. Хотя... Чёрный лис был силен, упорен и очень верен своей ками. В отличие от своего честолюбивого, властного брата.

– С чёрным лисом всё ясно, – подвёл итог Хануман, – Что с Хикэру?

Огромный медный поднос, который являлся пророческим оком в руках богов, запульсировал алым. Инари-но-ками вскрикнула и отдернула руки от его раскалённых краёв. В полированной поверхности отразилось прекрасное лицо неведомой ками: сверкающие гневом изумруды глаз, длинные, чёрные ресницы, крутые, гордо-изломленные брови, высокие скулы тонкого лица, алые губы, полные, сочные, что-то гневно выкрикивали. Рука ками раскрытой ладонью была обращена к стоящему напротив неё... Хикэру?

– Так они уже здесь?!?! – вскричали все.

– Он успел... – выдохнула госпожа Инари и так искренне улыбнулась, что все опешили. Таких эмоций от неё никто не ожидал!

– Какая красавица! Наша Аматаэрасу, не в обиду ей сказано, и в половину не так хороша! – добродушно причмокнул полными губами бог плодovitости и удачи Фукурокудзю.

По комнате плыл густой серый туман, чай в чашках испускал какой-то совсем уж пьянящий аромат. Инари – но-ками изумлённо глядывалась в брата Цукиёми: как тот растерянно теребит свой веер, даже не думая прикрыть столь бесстыдные эмоции, как лёгким туманным облаком взлетают его волосы над полом. Бог Луны неотрывно следил за гневной отповедью иномирной ками старшему лису сестры. О! К кому-то пришла весна? Милый брат, ты ведь любишь тишину, покой и неспешность... Будто услышав её, он закусил губу и раскрыл веер. Но поздно. Сестра уже получила маленькую козырную карту в их вечном противостоянии.

– Судя по всему, она очень разгневана, – задумчиво протянула Паниясу.

– Да Хикэру кого хочешь доведёт! – махнул рукой Хатиман, – Он у меня в Уросирию двести лет жил, так от него даже мои воины стонали! Это же зверь! Да знаю я, что он женщин ненавидит! – скривился в сердцах ками, слушая подсказки от трёх толстяков – ками удачи.

Госпожа Инари дрожащей рукой отложила Око, с пониманием переглянулась с братом Цукиёми. Да. Они должны предупредить Хикэру, что ему навстречу идёт Шинджи. Если эти двое сойдутся внезапно, то будут только и делать, что драться! А ками, призванная на помощь их миру, может составить весьма нелестное мнение о богах, что неминуемо повлечёт за собою её отказ.

– Пиши!

Цукиёми-доно подал сестре чистую печать. Госпожа Инари написала, что Хикэру ни в коем случае не должен пугать ками! Что должен с почтением, уважением и полной бочкой мёда пригласить её в поместье ками Луны для БЕСЕДЫ! Именно так! Для долгой, обстоятельной и очень важной для НИХ беседы.

Белый свиток тихо вспорхнул с её руки и скрылся за столпами центральных ворот поместья. Теперь они могут лишь ждать.

– Послать оками?

– Шли. Этот психованный Хикэру может просто бросить девушку в лесу...

Хатиман поднял руку в чёрной перчатке ладонью вверх и активировал печать вызова. Два белоснежных волка, огромных, размером с быка, соткались из воздуха. Алые знаки на их лбах пульсировали от силы, которую вливал в них ками. Теперь они смогут быть материальными в этом мире, и станут стражами их гостье.

– А что в Идзумо? – спросил вдруг Хотэй, всё ещё улыбаясь, – Там наш плакса ещё не побывал?

– Нет, брат. Молодой император Акихито написал, что нечисти у них как обычно, с той лишь разницей, что она стала сильнее и более нагло ломится в дома. Солнце, которое заставляло её скрываться по норам до ночи, не всходит, вот и наглеет. Хорошо хоть, что урожай собрали хороший, ещё осталось продовольствие на этот год. Но на следующий...

Насикава не тревожилась бы о людях вовсе, если бы не Тэкео, который был родственником Акихито и очень переживал за свою родину. Любимый и сейчас ждёт от неё вестей.

– Мы скоро узнаем всё, сестра, – прошелестел Цукиёми-доно, – Простите, меня ждут дела.

И он с поклоном поднялся. Да, дел у него действительно много. Нужно приготовить покои для гостьи, чтобы она сразу ощутила его заботу о ней, Цукиёми-но-ками в волнении закусил свои бледно-розовые губы одним клыком. Пошли прочь! Раздражённо отмахнулся от наложниц, приказав тем даже носа не казать из их половины. Не хватало ещё, чтобы молодая ками узнала о них.

– Ну как ты? – спросил Аигот. Я прижала телефон к плечу щекой и мылила голову Алиле. Аджая уже вымыта, укутана в широкое банное полотенце и под присмотром прислужницы Стуны. Младшие уже одевают Кита. Амри сам вымылся, умница моя!

– Нормально... Ты уже знаешь, да?

– Не волнуйся так... – мой змей где-то далеко, на другом острове, улыбнулся успокаивающе, – Это было неизбежно. Я ждал их предложения ещё пять лет назад, когда родился Амрит.

– А? – от удивления я чуть телефон не утопила, хорошо хоть божественные силы берегли и меня, и мои вещи как могли. Телефон лёг точно на место, с которого соскользнул.

– Эта печать у тебя на теле... Я спросил кое-кого...

– И что это?

– Как бы... хранилище силы.

– Я – что?!

– Милая! Тебе это ничем не грозит, – уверил меня якшас, – Это всё их интриги. Не стали бы они вредить тебе!

– Фух! – сдула прядь волос с мокрой щеки, ведь мелкая якшаси никак не желала расставаться с водичкой, и теперь расплёскивала её во все стороны, – Пусть только придут ещё раз! Я им...

– Мне нужно идти. Когда возвращаются парни?

– Через три дня. И после них сразу мама с главой. Пьют саке там небось с управляющим!

Бархатный смех мужа всколыхнул глухую тоску по нём, сожаление, что он так далеко. Знаю, я всё это знаю, Аи... У нас вечность впереди. Мы вырастим детей и будем путешествовать, насладимся друг другом ещё не раз. Но сейчас это... нелегко. Мне нужна твоя сила, уверенность, твоё тепло. Смешно: холодный якшас и тепло? Но да, со мной он совсем другой, не такой, как со всеми остальными своими знакомыми, партнёрами.

Дети спали, над ночниками порхали феи, пуская золотистые искорки своими крыльями, их сны провоцировали то мяукающие тени по стенам, то частый, иллюзорный снегопад. Амрит сам захотел спать здесь, с младшими, очень уж серьёзно он отнёсся к пожеланию отцов по защите своих сестричек и брата.

Я ласково провела рукой по его щеке. Да, знаю: он – дитя обмана. Но он такой солнечный ребёнок! Его любовь и доброе сердце стало моей опорой в отношении его отцов. Я возможно воевала бы с ними ещё долго, лишившись поддержки и силы для слуи. Ты так мудр, мой сынок! Мы все заслужили мир и счастье! И твои отцы тоже...

Вздыхнула печально, ощутив, что мои небесные воины спят, утомлённые долгими тренировками. Их радость, их гордость и желание всем показать свою доблесть неизбежно повлекло за собою всевозможные споры с остальными участниками. Мои супруги изрядно удивили устроителей шоу своими навыками, неповторимым стилем боя, силой, ловкостью, тем, что так быстро и так эффективно натаскали своих учеников. Да! Награда уже почти у нас в кармане, как сказал Ильяс. Мы славно отпразднуем, любимый! Вот вернётесь домой...

Итак, все спят, все от нас далеко... Подарки! Сейчас посмотрим... Мне в подарок Шива и Вишну принесли невероятное платье глубокого изумрудного оттенка. Оно переливалось так, будто я сама была драгоценным камнем, на грани которого под разными углами падал солнечный свет. Оно было в азиатском стиле, очень схоже с японскими кимоно, но, в отличие от них, плотно охватывало талию и плавно спускалось до самой земли. Рукава были длинными, расширяясь к запястью. К нему в подарок я получила бусы из синего минерала. Его структура очень напоминала звёздное небо: там были вихри, туманности, они постоянно менялись, заволаживая, гипнотизируя.

От бусин исходила сила. Заряжено? Что же сюда заложили? Благословение? Похоже... да. Ганеша? Милый! А платье... от Зари! Ах, милая моя Ушас! Я вытащила из браслета-хранилища колокольчик, который она мне подарила перед нашим возвращением. Пристегну его сюда! Серебристая, сверкающая вещица теперь болталась на одном из серо-зелёных ремешков, повязанных на поясе.

Вертеться перед зеркалом мне быстро наскучило, ведь зрителей, которые согрели бы меня полными восхищения взглядами, а затем и своими ласковыми руками, не было. С сожалением вздохнув, я вышла на балкончик.

Луна стояла так низко и была такой огромной! Её свет делал всё таинственным, романтическим! Сейчас бы уложить голову на плечо Ильяс, зарыться в медовые волосы Джун. Он любит сидеть передо мной и лежать на моих коленях. Аигот просто сидел бы под сакурой, позволяя любоваться его лицом. Я бросила взгляд на нашу сакуру.

Огромная, исполинских размеров, она укрывала розовым ковром весь двор, когда отцветала. Сейчас на ней то тут то там появлялись нежные цветы. Их аромат кружил голову. Вот и сейчас повеял ветерок, донесся до меня пьянящий и такой желанный запах.

– Ками...

Кто здесь? Тихий голос, который только что произнёс это слово, показался мне знакомым. Я вглядывалась в сад, со страхом ожидая появления... кого? Разве нам есть, кого бояться? Мне так точно некого! С такой защитой... На мне браслеты Брахмы, со мной слуи, способная стать клинком в любой момент, в личном хранилище есть кинжал Индры. И это ещё не всё. Я владею силой желания. И хотя я её в последние годы не использовала, да и медные браслеты, ограничивающие меня в пожеланиях, всё ещё на запястьях, всё равно она есть. Но кто же...

Из-за куста роз, алых, сочных, которые я просто обожала, о чём знали мои мужья и всегда приносили свежий букет утром в мою комнату, вышел... кичунэ! Тот самый, который видел нас на источниках! Тогда я не сильно его рассмотрела, просто не успела. Мелькнуло что-то белое,

качнулись на прощание многочисленные хвосты зверя, и всё. Ну да, признаю! Его обнажённое тело я успела разглядеть лучше! И его возбуждение... И одно слово, что он произнёс...

Сейчас лис был одет. Скажем так: здесь в Японии он был как нигде уместен, его наряд. Белоснежное кимоно с алым поясом оби, широкие штаны, по кайме воротника и рукавов шли тонкие, кроваво-красные узоры. И на лбу его тоже был алый завиток. Вместо традиционных деревянных сандалий на ногах были красно-коричневые сапоги со шнуровкой сбоку. За поясом два меча: короткий и длинный.

Белоснежные волосы спадали шикарной гривой с его сильных плеч до самой земли. Раскосые глаза серебристого, да почти что белого цвета, были холодны, как планеты-карлики на задворках Вселенной, совершенные губы, алые и упрямо сжатые сейчас наводили на неприятные мысли, что он сердит на меня. Ой! У него уши! Да-а, да! Они стояли торчком прямо на макушке! Я заулыбалась, похоже, чем-то его разозлив. Лис громко и зло фыркнул, и скрылся в зарослях. Не поняла? Если уж пришёл, то будь добр представиться!

Сейчас я тебя найду и расскажу, как стоит себя вести! Не думая больше ни минуты, я вылетела из комнаты, спустилась по ступенькам с третьего этажа на первый и выбежала на порог.

Ну и где он? Как же тебя найти... Закрыла глаза и просто послушала окружающее пространство. Ах, вот ты где!

Лис стоял у нашего Древа. Он запрокинул голову ввысь, ветер шаловливо перебирал его волосы. Скульптурной лепки лицо, тело бога. Как он прекрасен... Да что это я?! Встряхнулась, напомнив себе, что самые прекрасные мужчины отныне мои супруги, а этот... чужак! Подобрала подол и ступила на круглый пяточок густой травы, который мы сохранили специально для цветов сакуры. Ну и для пикников под ней.

– Кто ты? – спросила я.

Мужчина медленно, лениво даже повернул голову, серые глаза насмешливо сузились. Я остановилась, отчётливо понимая собственную глупость. Ну зачем я вышла из дома? Что за блажь была погнаться за призрачным силуэтом лиса из легенд Японии?

– Маленькая kami... – сладость его голоса, его невероятную соблазнительную хрипотцу портил издевательский оттенок. Я рассерженно отвернулась, намереваясь уйти обратно, но лис настиг меня за мгновение! Браслет на моей руке предупреждающе полыхнул алым, лис настоженно замер, обдумывая что-то.

– Н-не подходи! Стой там! Я го...

Я хотела сказать, что повторять не намерена, но этого уже и не требовалось больше. Лис учёл свою ошибку и теперь просто и без затей... нет, не поцеловал! Он просто бросил меня к сауре! С ужасом я ощутила, что подо мной нет того, что должно было бы быть! Нет шершавой коры ствола, нет и газона, покрытого мягкой, прохладной травкой! Сзади была пустота! И я падала в неё, а за мною падал лис, дьявольски улыбаясь...

– Не кричи... – полный презрения голос. Сказано было тихо, но все слова отдались в мозгу колким эхом.

Открыла глаза. И в шоке застыла... Я не дома! По каким именно деталям я поняла, что не дома: по отсутствию электричества, моего замка, по положому холму, на котором мы стояли. Или же по тому, как резко умолкла моя связь с любимыми? Я больше не чувствую их! И Амри тоже...

– Что?! – моему шипению позавидовали бы все змеи мира, а уж по злости я могла соперничать с самой Кали, – Не кричи? Ты хоть знаешь, кого похитил? Где мы, отвечай!

Лис свёл на переносице чёрные брови, скривился, показывая, как я ему противна. Я и не напрашивалась! Пусть вернёт назад, и мы разойдёмся как в море корабли. Я даже мстить не буду! Хотя и не исключаю, что этим займутся мои супруги.

– Ты далеко от дома, маленькая ками! Это мой мир.

Три последних слова упали на моё сознание будто три пудовых камня. Не мой мир? Но ведь... Сакура так похожа... И вон там горы...

– Зачем я тебе...

Стараясь не паниковать, я сжимала руки, стискивая пальцы, тонкую кожу уже разрезало кольцо Аигота, но я всё скользила и скользила по нему нервно, до боли. Эта боль не давала страху в груди разрастись, одурманить разум. Я должна иметь ясную голову... чтобы выбраться из западни. В том, что это именно западня, не было никаких сомнений! Лис стоял так расслабленно, у него был вид победителя, властелина.

– Не мне, – наконец выдавил он и двинулся было ко мне.

– Стой там! Не подходи! – я выставила вперёд руку, уповая на то, что свет от алого браслета заставит лиса замереть на месте.

– Ты же не хочешь остаться здесь одна? – вкрадчиво замурлыкал он. Я распахнула глаза, помимо воли частое дыхание колыхнуло грудь, и щёки расцветил предательский румянец, – И никогда не узнать, зачем ты здесь?

– Я не понимаю, зачем ты это сделал! Да мои мужья, когда найдут нас, от тебя места мокрого не оставят! – я тыкала пальцем в его грудь, но с таким же успехом могла бы долбить ногтем бетонную стену – сила этого изящного с виду существа потрясала. Лис подошёл так близко, что я ощущала его запах. Морозная свежесть, что-то волнующее и необычное...

– Ум-м, – гад, какой же ты... Рука кицунэ зарылась в мои волосы, оттянула голову вниз. Ну? И долго будешь любоваться? Я настороженно замерла, глядя в его глаза. Что в них? Борьба... там было такое. Он что, сумасшедший?! Только этого мне не хватало!

Медленно, с явным усилием, он отпустил меня, даже отошёл подальше.

Я попятилась от лиса, подходя всё ближе к сакуре. Потом рванула и повисла на чёртовом дереве, как белка! Я царапала его ногтями, целовала, абсолютно не боясь быть осмеянной похитившим меня белым гадом! Ни мои желания, ни моя кровь, ни печать на груди, ни браслеты Брахмы, ни кинжал Индры... ничто из того, что прекрасно работало в моём мире, не срабатывало здесь!

С отчаянием я всё билась и билась по коре, плакала и умоляла Вселенную вернуть меня домой. В ответ была лишь тишина. Мерно шелестели ветки наверху, осыпая меня цветками сакуры, ноги подогнулись, и я сползла на землю.

– Поняла теперь? – презрительно бросил лис. Он стоял недалеко и с интересом следил за моими потугами открыть проход.

– Да! – просипела я сорванным горлом. Сила уже лечила его, но так медленно... Я в этом мире совсем одна – поняла я. Значит... Нужно договариваться, вызнать, для чего я здесь. Поднялась, опираясь на ствол, – Я нужна тебе, так?

Лис нехотя кивнул, нахмурился. Очевидно, что я нужна не столько ему, сколько кому-то, не погнушавшемуся похищением. Хранилище-браслет всё ещё работало. Это радует. Лис молча поднял одну бровь, оценив столь занятную вещичку. Я вытащила платок и вытерла руки: кровь уже остановилась, раны затянулись, но они по-прежнему были испачканы. Белый платок с алыми разводами отправился в хран – нечего оставлять здесь свою кровь!

– Ты так и будешь молчать? – гневно впились я в него глазами.

– Идём! Мы и так потеряли время. Пока твои любовники оставили тебя... – гадливость, которую выражало его лицо, можно было смело сцеживать в бочки и продавать. Не нравится, что у меня их много?

– Не любовники! – с улыбкой и радостью поправила я, – Супруги! И они найдут меня, не сомневайся!

– Это вряд ли! – хмыкнул лис и развернулся в сторону гор, – Иди за мной, если хочешь вернуться обратно...

Я просто онемела от такого хамства! Похитил да ещё и условия ставит! Да не пойду я никуда с таким...

Пришлось идти следом. Я на всякий случай запомнила, как выглядит местность, чтобы вернуться к этому дереву. Кстати, почему мы вышли из него? Этот вопрос я и задала мрачному похитителю.

– Это Священный столп, – выдавил из себя этот женоненавистник, – Место, где он выходит в твоём мире, ты знаешь, – кинул на меня взгляд искоса.

– Что за Столп? – не поняла я, – Портал?

– Почти... – какой оскал! Белоснежные, острые клыки сверкали в свете луны как кинжалы. Насладившись моим испугом, этот хам продолжил с куда большей охотой, – Этот Столп воздвигли наши Первые камни: Идзанаги-доно и Идзанами-но-микото. И только они могут им управлять.

– Ты хочешь сказать... – задумалась я, – Что только они смогут отправить меня обратно?

– Или их дети...

– Кто эти дети? Кто ты вообще? Зачем я вам? – забросала я лиса вопросами.

Мне кажется, или он звереет? Потому что бешенство в глазах я видела неоднократно: у Эноя, у Энки, вот и у этого странного парня также. Он наступал, я отходила. Когда уже осталось где-то полметра, пришлось остановить его ладонью. Браслет? Ау! Давай его немного поджарим? Тишина... Я неуверенно улыбнулась, опустив руку, желая показать, что не сержусь, так что и он может уже успокоиться.

– Ты много кричишь, маленькая камни! – кажется, моя хитрость его только больше возмутила, вон как глазищи свои сузил. Нос трепещет, уши дёргаются, – Ты всё узнаешь в поместье моей камни. И зачем ты здесь, и как вернуться в свой мир. Пока же... уймись, пока я не связал тебя!

– Свя... – поразила я. Он и правда так делает?! Сделает, поняла я и умолкла. Вместо этого стала думать о доме. О том, как все узнают, что я пропала, что предпримут. Аигот прилетит тут же, как и Ильяс с Джуни. Потом возможно с помощью сына свяжутся с двумя синими богами. Будет плакать мама, Сонечка. Дети ещё малы, они не скоро осознают... Нет!!! Я выживу и вернусь! А ещё... Я бросила ненавидящий взгляд в спину существа, так жестоко лишившему меня привычного мира. Я отомщу тебе!

Идти в полной темноте было так неудобно! Если бы не сияние колокольца Ушас, то я наверное, спотыкалась бы на каждом шагу! А лис ничего, бредёт себе, легко и невесомо. И это при его-то комплекции? Сильный... плечи неширокие, но видна выправка, руки жилистые. Грудь в вырезе кимоно литая, с мускулами.

– Прекрати! – да что такое? Я похлопала ресницами и неуверенно улыбнулась. Лиса перекосило, – Я ощущаю твой похотливый взгляд, камни... И это бесит...

– Да я не... – белая рука, сильная, с огромными когтями, стальной хваткой вцепилась в моё запястье. Я вскрикнула от боли, а эта сволочь бесчувственная только сильнее сжала хватку.

– Я сказал, ты услышала.

– Да! Отпусти, скотина! – я вырвалась, вернее, он отпустил меня. Отбежала и стала в стороне, растирая руку. После такого обращения пусть только попробуют что-то попросить! Ничего не буду делать! Пусть хоть золотые горы сулят!

Шевелюра белого зверя мелькала где-то вдаль, сереющее предрассветное небо сделало картину окружающего мира чуть более чёткой. Горы вдаль, покрытые снегом, местами лесом. Пихты? Ели? Не знаю и знать не хочу! Пусть этот псих катится куда хочет!

А я пойду... А вон туда! Слева, у одной из скал виднелась янтарного цвета крыша замка. Давно мечтала побывать в таком старинном здании. Там и попрошу помощи! Решив так, я бегом, пока эта сволочь не оглянулась в поисках меня, метнулась с пригорка, в лощину. Спускаться пришлось долго и быть предельно осторожной: камешки, как живые, норовили поехать из-под ноги весёлым ручейком. Наконец, я у ворот. Да ну! Не могла я так... А! Спасибо, мой синий супруг! Это подарок Вишну – сворачивать расстояние. Если бы не это, то бродить бы мне здесь неделю минимум.

Опьянённая восторгом, что так ловко обвела похитителя вокруг пальца, я бегом побежала к воротам. Исполинская арка, монолитные створки из толстой дубовой доски. Тёмные, старые. И заложенные на огромный засов! Причём снаружи, а не изнутри. Странно. Я пошла вдоль высокого забора, надеясь отыскать калитку или хотя бы вывалившийся от старости сегмент. Ну или дерево, ветки которого помогут взобраться на такую высоту. Я шла и шла, уже отчаявшись, но вот и дерево! Персик? Да, характерные, острые листья. Довольно старое уже дерево, оно успело разрастись настолько, что его ветви услужливо повисли с этой стороны ограды.

То, что нужно! Подоткнув подол повыше, я подтянулась и влезла на самую массивную. Балансируя на ней, как птичка на проводе, заглянула во внутренний двор. Никого. Странно. Даже ночью – а сейчас явно ночь – должен кто-то ходить во дворе! И собаки... лаять должны. Внутри было красиво: пруд в центре, милые дорожки, посыпанные разноцветными камешками, пушистые кустики, клумбы, невысокие плодовые деревца. Дома, как и хозяйственные пристройки, напоминали дом Никишима-сана, каким он был до моего прихода на его землю.

Тишина, нигде ни огонька, ни стука, ни скрипа. Я поёжилась от жуткости этого места. Что могло заставить обитателей такого обширного поместья сняться с места и уйти? Эпидемия? Война? Но даже при военных действиях такие замки используют! Чтобы держать здесь оборону, разместить лазарет, в конце концов просто жить! Что-то я уже не хочу сюда заходить... Но не возвращаться же к лису? Да и ушёл он поди уже далеко. Ай, да будь что будет!

Слезла с ветки на забор. Хорошо хоть здесь нет кованых элементов, как в нашем мире. Просто отполированный брус по всей длине забора... огромного такого, витиеватой змеей ползущего по бокам двора. Высоковато прыгать, но делать нечего – сгруппировалась и сиганула в кусты.

– И-и! О-у! – кусты были колючими, они больно вцепились в открытые участки тела, дёргали волосы. Я молила свой дар поскорее отцепить их, мало помалу мы с кустом покинули друг друга.

Шипя раздражённо, я медленно шла мимо ручейка с журавликами, переливающими воду из одной бамбуковой плошки в другую, осматривала двор в поисках жизни. Никого, ничего. Стала на пороге. Разуться, или здесь эта вежливость никому не нужна? Нет, не стану! Моя обувь – такой же артефакт, как и платье, так что лишившись её, я потеряю возможность с комфортом путешествовать. А походить ещё придётся, я чувствую. Здесь помощи мне не найти – поместье пустовало так долго, что внутри всё заплели пауки.

От одного только размера этих серых полотён мне поплохело. Огромные, на половину комнаты! Я вытащила кинжал Индры и прорезала пару штук. Нет, дальше идти не стоит: еды нет, людей тоже. Развернулась, намереваясь выйти. И встретила взглядом с пауком... точнее паучихой! До половины это была женщина, а вот ниже... Огромный, мохнатый зад острой пикой на конце, восемь сучковатых, суставчатых ног. Голова лохматая, клыкастая, глаза чёрные, они не мигая смотрели на меня. Может, обойдётся?

– А-а-а!!! – я носилась по двору, уворачиваясь от плевков твари.

Чёртовы клумбы, чёртовы ручьи и деревья! Они заставляли оббегать их, перепрыгивать, нырять в арки цветочных композиций. А паучиха неслась следом, как таран! Все препятствия она смалывала своими ногами, будто сенокосилка, а её гнусная слюна тут же разворачивалась в липкую, узорчатую сеть.

Долго так продолжаться не могло. Я уже хотела обернуться, чтобы дать ей бой, тем более что кинжал внушал воинскую доблесть даже такой домашней девушке, как я, но тут меня схватили за волосы. Болезненный рывок, и я извиваюсь в руках мутантки. Браслеты Брахмы налились светом, алый трилистник на плече полыхнул кроваво... Визг твари оборвался на самой высокой ноте.

– А? – я сидела на земле и смотрела на своего спасителя. Именно он отрубил паучихе голову. По правде говоря, он её так избавил от страданий: пламя Агни охватило её туловище, пожирая в медленном огне. Незнакомец также понял, что я не простая селянка – на его красивом, мужественном лице с чёрно-алыми глазами появилось задумчивое выражение.

– Ох! Госпожа! Мы успели! Хвала Предвечным! – выбежала из-за его спины такая страшная старуха, что я за миг успела перелететь пару-тройку метров и спрятаться за могучую спину в красном кимоно.

Мужчина замер. Даже не так... он окаменел. Затем медленно, как-то слишком уж напряжённо, повернул ко мне голову. Ещё один лис?!!! Да! У этого экземпляра тоже были уши! Хотя... может здесь по нежити целый справочник можно составить?

– Ками? – густым, сочным голосом спросил незнакомец.

– Я?! – не поняла я.

– Вы – ками из другого мира? – уточнил он. Полез за пазуху, привлекая моё внимание к своим рукам. Люблю мужчин в перчатках. В байкерских, рокерских или просто в перчатках велосипедистов. У чёрного лиса были тонкие, кожаные перчатки чёрно-красного цвета. Всё в тон: и кимоно, и штаны, сапоги. И даже алая лента в густых чёрных волосах.

– Я из другого мира, да. А вы откуда это знаете? – ещё один похититель? Зачем тогда спасал? Я нужна живой? Это утешает.

– А его, сиятельная госпожа, послали вас встретить! – подала голос ужасная старуха.

Я дрожащими пальцами сцапала край рукава лиса, придвинулась к нему так близко, как могла. Но он мой порыв расценил, очевидно, так же как и белый хам. Из моих рук он рванулся с такой скоростью, будто я уже предложила жениться на мне и заодно усыновить всех моих детей. Пришлось стоять лицом к лицу с ужасом в подобии женщины. Я отвела глаза от морщинистого, безгубого рта старухи на кучу догорающей нечисти.

– Что вы имеете в виду? Встретить меня?

– Это приказ высочайшей важности! – подняла костлявый палец ведьма, а затем вдруг без перехода выдала, – Ведьма Эйуко будет верно служить госпоже!

И она подобострастно поклонилась. Семена, пригибаясь, старуха подбежала ко мне и заглянула в лицо пустыми бельмами глаз. Я едва сдержалась, чтобы не заорать.

– Отойди от неё, нечисть! – да вы что, издеваетесь?! Откуда здесь взялся белый хам?!!

– Хикэру! – пророкотал красавец-брюнет, который героично спасает девушек, а затем так же героично выдирает руки из их благодарных пальцев.

– Шинджи... – зеркально скалится в жуткой ухмылке белый лис, – Я веду ками к матери. А ты иди куда хочешь!

Я смотрела на обоих, понимая, что ничего не понимаю! Хоть бы объяснил кто, что происходит!

– Они братья! – зашептала старуха, которая всё это время стояла рядом и тихо скалилась. Что её так веселит? На мой осуждающий взгляд она отреагировала понятиливо и стала пояснять дальше, – Белый лис – это Хикэру. О-о! – закатила она белые провалы, – Он ненавидит женщин, моя ками! Всех! Даже его мать ему не указ! А о его жестокости слагают легенды! У него

уже девять хвостов, ты знаешь? Ему уже тысяча лет. А Шинджи – это проклятый лис! Его проклятие не позволяет ему касаться женщин. Они сгорают как свечи!

– Заткнись, ведьма! – бросил через плечо чёрный лис. Мельком глянул на меня и тут же отвернулся. Хам! Оба такие!

– Может хоть вы расскажете мне, для чего меня похитили? – я обошла его кругом и стала точно спиной к Хикэру. Пусть ощутит всё моё негодование!

Алые глаза прошлись по моему лицу, спустились на шею, задержались на синих бусах, скользнули на грудь. Мне показалось, или скулы на его лице окрасились румянцем?

– Мне приказано довести вас до поместья Цукиёми-доно. Там вам всё объяснят! – отчеканил лис, отводя глаза в сторону.

– И долго туда идти? – вкрадчиво поинтересовалась я.

– Семь дней! – я прибью эту старуху!!

1- Они

Огромные злобные клыкастые и рогатые человекоподобные демоны с красной, голубой или чёрной кожей, живущие в Дзигоку, японском аналоге ада. Европейские аналоги – черти и бесы. Очень сильны и трудноубиваемы, отрубленные части тела прирастают на место. В бою используют железную палицу с шипами, носят набедренную повязку из тигровой шкуры. Несмотря на свой туповатый внешний вид, они очень хитры и умны; могут превращаться в людей, иногда бывают добры к людям и даже служат их защитниками. Любят человеческое мясо. В некоторых легендах говорится, что они ненавидят сою. Считается, что люди, не контролируемые свой гнев, могут превратиться в они.

2 – Ёкай

Ёкай – сверхъестественное существо японской мифологии, разновидность обакэ. В японском языке слово «ёкай» имеет очень широкое значение и может обозначать практически все сверхъестественные существа японской мифологии, или даже заимствованные из европейской: от злобных они до кичунэ или снежной женщины Юки-онна. В японской мифологии часто упоминаются животные, обладающие волшебной силой. Согласно легендам, большинство из них обладает антропоморфными чертами или умеет обращаться в людей (такие оборотни называются хэнгэ).

3 – Нуре-онна

Полуженщина-полузмея. Живёт у рек, ловит путников и пожирает их.

4 – Йорогумо

Призрак-паук, принимающий облик соблазнительной женщины. В соответствии с легендами, йорогумо играет на лютне в заброшенной в лесу хижине, чтобы привлечь внимание проходящей мимо потенциальной жертвы. Пока человек заморожено слушает чарующую музыку, йорогумо обматывает его своей паутиной, чтобы обеспечить питание себе и своему потомству. По некоторым поверьям, после того как паучиха прожила на свете 400 лет, она приобретает магическую силу. Во многих историях йорогумо в виде красавицы просит самурая жениться на ней или, чтобы вызвать доверие и сочувствие, принимает форму молодой женщины с ребёнком на руках, который на самом деле является паучьей кладкой. Древние японские рисунки и гравюры изображают йорогумо как наполовину женщину, наполовину паука в окружении её детей.

5 – Оками

Волк, посланник богов-ками, популярный персонаж японского фольклора. Оками понимает человеческую речь и умеет заглядывать в людские сердца. В отличие от волка из европейских мифов и сказок, который был отрицательным персонажем, оками выступает защитником лесов и гор помощником нуждающихся людей, он загодя предупреждает жителей селений

о грядущих природных катастрофах, хранит поля от вытаптывания кабанам и оленями, охраняет путников в горных лесах. Изображение волка при храме, по поверьям, защищало от пожара и воровства.

ГЛАВА 5. Связующие знаки

– Разве в вашем мире нет транспорта? – недоумение на лицах. Впрочем, этот самый Хикэру понятно усмехнулся, вникнув в мои намёки. Да, он жил в нашем мире и знает, что такое машина, – Телега? Арба? Лошадь в конце концов!

– О, прекраснейшая ками! – льстиво прищурилась Эйуко, – Лишь у Ам...

– Заткнись! Или – клянусь! – я сейчас же лишу тебя болтливого языка! – утробно взрыкнул Хикэру. Несмотря на свою такую ангельскую красоту, он был страшнее этой самой ведьмы во много раз.

– А что такого в её словах? – с вызовом подбоченилась я, закрыв собою ведьму. Какой бы ужасной она не была, мне она ничего плохого не сделала. Даже наоборот: отвечала на вопросы, обращалась уважительно «ками»!

– Она лезет туда, куда не следует! И ты тоже...

– Хикэру! – грозно выкрикнул чёрный лис, – Ты забываешься! Ты оскорбляешь высокородную ками, которая нужна всем нам!

Они сверлили друг друга многозначительными взглядами, не желая уступать. Что такого они скрывают? Зачем я нужна? Поняв, что оба упрямо будут умалчивать о цели моего похищения, я обиженно отвернулась от них и побрела к симпатичному камешку у ручья.

– Отдохните, моя ками! – положительно, мне нравится эта ведьма! Несмотря на её жуткую внешность, она так добра и почтительна!

– Спасибо, – ответила я и улыбнулась признательно. Эйуко заморгала растерянно, потом чуть ли не улеглась у моих ног как дрессированный тигр! Похоже, она действительно считает меня своей госпожой... Какой странный мир! – Расскажи мне что-нибудь! Что-то, что не запретят эти грубые мужланы.

– Это место... – начала она, опасливо оглянувшись на лисов. Однако те на нас не обращали внимания, совершенно уйдя в своё вечное противостояние. Брюнет что-то настойчиво втолковывал стоящему в позе отрицания блондину. Он даже вытащил свиток и помахал им у аристократичного носа Хикэру, – Это замок самого Идзанаги-доно! Яхиро-доно! Яшмовый дворец! Когда-то здесь было много слуг, цвели цветы, пели райские птицы... А потом скончалась госпожа Идзанами...

– Ох! Вот несчастье-то! – посочувствовала я.

– Да нет же! Госпожа живёт... В стране Ёми, – я оглянулась на старуху, ожидая пояснений. Как раз склонилась над ручейком. Решила попить водички из журавлика. Какая она здесь вкусная! Свежая, прохладная и сразу силы возвращает! – Она переродилась в ками Смерти. А господин Идзанаги не смог этого принять и ушёл из подземелий на свет.

– А-а! – протянула я. В мире синих богов, Алаке, тоже были запутанные, зачастую очень неправдоподобные истории прошлого богов, так что ничего удивительного в таких вот перипетиях я не видела, – Но здесь мог жить кто-то ещё. Их дети, например!

– У них у всех свои поместья, – сказала Эйуко, – Вы скоро увидите Лунный дворец! Там так красиво, моя ками...

– Неужели никого не интересует, кто я? – возмутилась я, – Они даже имя моё не спросили! – кивнула я на лисов.

– Да, они такие... – почти с гордостью просипела старуха, – Так как вас зовут, госпожа?

– Алойя...

После того, как я произнесла своё имя, в мире что-то поменялось. Я не знаю, что именно, но вдруг повеяло откуда-то тёплым ветром, он принёс с собою запах летнего луга, душистого сена, пряминой земли. А дворец... стал оживать! Да-да! Из дверей, которые распахнулись вмиг, вылетели клочья паутины, мусор в виде веток и листьев, пробежала волна по двору, выровни-

вая травку, делая её яркой, свежей. С крыши посыпался сор, а потом она ослепительно вспыхнула ярким солнцем! Засияли столбы, окрашенные охрой, на них матово засветились оранжевые шары. Двор было не узнать!

– Что это? – я присела обратно на камень и даже схватила ведьму за руку, опасливо озираясь.

Ведьма скрипуче рассмеялась, а потом, поцеловав меня в руку – я в шоке! – побрела к кицунэ. Оба брата с разной степенью удивления на лицах осматривали замок, который сиял свежестью, будто его возвели тут же, в этот день. Потом алые и серебристо-серые глаза впились в меня, я нервно заёрзала на камне. Он внезапно показался не таким уж удобным, впился во все места острыми гранями.

– Грозная и сильная госпожа твоя, Шинджи...

Эффект этих слов был просто невероятным! Чёрный лис дико вытаращился на меня, его рука поползла за пазуху, губы кривились, будто у него там давняя рана, причиняющая нешуточную боль. Что за госпожа ещё? Неужели она его так наказывала, что он до сих пор не забыл этого? Я с жалостью глянула на мужчину. Сильный, красивый, а в глазах тоска. Похоже, мои эмоции не стали тайной: то ли вернулась эмпатия хоть и частично, то ли он всё прочитал по лицу, но такого ожесточения я не видела давно. Будто наткнулась на стену, да с размаху!

– Это не...

– Она, это она! – шептала старуха и подскакивала как преданный щенок возле него.

– Ты ошиблась, ведьма! – глухо сказал лис, – Раз уж Дворец Яхиронодо очнулся ото сна, останемся здесь, чтобы передохнуть, – по осуждающему взгляду, я поняла, что именно ради меня лис решил повременить с дорогой.

Я совсем не устала, но против того, чтобы продолжить путь с рассветом, не возражала. Хикэру просто молча прошёл в дом через главный вход, даже не оглянувшись на нас. Чёрный лис зажёл две жаровни одним движением руки. Я выгнула брови удивлённо.

– Дар огня у него в крови! – важно закивала ведьма, – У Хикэру нет такой силы! А Шинджи умеет и не такое! Да, Шинджи?

Лис молча посторонился, пропуская нас в длинный коридор. Это их общая с братом черта – не отвечать на вопросы. Если здесь все такие, то вряд ли я узнаю о причине своего появления здесь и через год. Ведьма показала мне купальню, разложила всякие щётки, мочалки. Предполагалось обмыть себя из деревянного ведёрка, а потом уж залезть в каменную ванну. Которая сама собою набралась и теперь исходила ароматным паром. Чудеса! Впрочем, это ведь дворец верховного бога!

– Почему Хикэру ненавидит женщин? – спросила я ведьму. Она мылила мне голову, поминутно нюхая волосы – я вытащила баночку шампуня со сладким ароматом плодов Чит-тапатали.

– Да никто не знает, – сказала Эйуко, – С детства такой. Сколько младших ками от него в слезах убегали! Придут бывало к госпоже Инари, гостят месяц-другой, в надежде на взаимность таскаются за Хикэру. Тот, будто нарочно, разминается у них перед глазами, устраивает красивые поединки с младшими кицунэ. А как только невесты подходят, опустив глаза, чтобы предложить прогулку под Луной...

– Что? – привстала я, с нетерпением ожидая продолжения.

– Что-что... Зло отвечает, презрением поливает. А некоторых, кто был особенно настойчив, ещё и оскорбляет!

– И ему не надоело? Так ведь можно навсегда одному остаться...

– Этого и хочет Хикэру, – ответила ведьма и стала лить воду мне на голову, – Шинджи... Ох! Не могу сказать, моя ками! Он ведь не любит, когда его жалеют. Ты вот недавно его приласкала... Видела, как разозлился?

– Нельзя рассказывать о том, куда идём, зачем я здесь, – перечисляла я, загибая пальцы, – О Шинджи – тоже нельзя! Ты можешь сказать хоть что-то, что поможет мне разобраться во всём этом?

Ведьма пожевала остатками рта, мерзкий скрежет последней пятёрки её зубов отдался внутри нестерпимым зудом. Я жестом показала, что желаю выйти из купальни. Едва я встала, Эйуко дико вскрикнула, прикрыв рот рукой. Что? А! Это она моё солнышко увидела! Я поспешно замоталась в полотенце. Несмотря на то, что оно было из грубого материала, оно ласково обхватило тело, приятно согревая.

– Какого...

Да что они себе позволяют?! Оба лиса снесли дверь в купальню и теперь с видом двух баранов разглядывали меня. Я зарычала и бросила в них что под руку подвернулось: мокрую мочалку, гребень, потом бадейку.

– Хамы! Скоты! Убирайтесь!

Под мерзкое хихикание ведьмы оба лиса практически испарились. А я расстроилась донельзя. Где мои мужья?! Они бы этим лисам показали, как презрительно хмыкать, как нагло хватать за руки...

Эйуко расстелила futon на полу, притащила откуда-то ширму, отгородила ею мне уголок. Я сидела на мягком матрасе, задумчиво вертя кольцо Шивы. Под ним белело колечко Аи. Где вы? И смогут ли синие узнать, где я? Белая муть в камне вдруг взметнулась холодными искрами. Я заворуженно уставилась на это действо. И, как наяву, вновь услышала голос Шивы: «Луна коварна, помни!». Луна, луна... Что он имел в виду? Если подумать, то лис и правда притащил меня сюда лунной ночью. Но как же тогда Столп? И еще... он говорил, что мне всё расскажут. А ведьма...

– Аи! Ильяс, Джун! Найдите меня!

Так и уснула, с глазами на мокром месте. Снился мне Агни. Лепестки пламени то складывались в человеческую фигуру, то распадались на отдельные стуски и танцевали, танцевали вокруг! У меня дико кружилась голова, алый туман уже окутал пеленою...

– Знак! – протрещал костёр, – Знак близко!

– Значит, мать прислала, да? – оскалился Хикэру, вытянув свои длинные ноги на пороге. То, что мать не доверяет ему, вызывало в лисе глухую злобу. Он так старался: выкрал камни, проследив, чтобы никто не мог найти их! Ждал целую неделю, пока она кувыркалась то с одним, то с другим. А то и двумя сразу! Что за мерзкая развратница!

Шинджи тоже не спалось, поэтому он устроился рядом с братом. Нет, не для того, чтобы ощутить родство или поговорить – не дать тому совершить очередную глупость в отношении молодой камни. Когда она сказала своё имя, оба ощутили выдох... земли, мира. Как такое может быть?! У этого мира свои хозяева, свои камни! Но эту... нежную, гордую, такую живую и настоящую девушку земля приняла с радостью.

– Да. Ты понял всё, Хикэру? – строго глянул чёрный лис на брата. Хикэру отвернулся, не давая прямого ответа, – Камни сделали ставку на её силу, ты понимаешь? Нам нужно её согласие!

– Да ладно? А я думал, что меня послали выкрасть её?

– Ты... – запнулся Шинджи, едва сдерживаясь, чтобы не схватить упряма за волосы и не врезать по носу! В юности они так часто дрались, что некоторые вещи были обыденными. Вот и сейчас рука Шинджи метнулась вверх, а голова Хикэру – назад.

– Да не трону я её! Но пусть она не показывает больше...

Дальше был пламенный монолог, что именно и как показала молодая камни, чтобы влюбить в себя, соблазнить такого праведного лиса. Шинджи встал и ушёл, тяжело ступая по дощатому полу. Брат никогда не поумнеет! Не нужны они этой камни! Она смотрит на них не без

интереса, но того взгляда, которым провожают лисов в деревнях страны людей Идзумо, он ни разу не уловил.

– Что ты говорила, ведьма? – чёрный лис даже не оглянулся, чтобы посмотреть на старуху. Он просто знал, что она рядом. И чего привязалась?

– Про что? – лукаво склонила она голову к плечу.

– Про ками! – прорычал он и сжал руку, сверкнув чёрными когтями в свете жаровни, – Ты сказала, что она и есть моя ками!

– Ты же не веришь мне! – издевательски пропела Эйуко и протанцевала на худых ногах по комнате. Она кружилась, и её сизые лохмотья тащились за нею как грязно-серые тучи за плаксой Сусаноо.

– Так ты врешь?!

– Мальчик! Ты так нетерпелив... – покачала она своими седыми лохмами, – Ну да, это она и есть! Я видела такой же знак на её теле! – она указала костлявым пальцем на грудь лиса. Тот машинально потянулся за пазуху рукой, – И у неё змей вот здесь! И солнце...

Брезгливо следя за ладонью ведьмы, Шинджи осмысливал сказанное. У неведомой ками такой же знак, как у него. Но, судя по всему, она не проклята! Значит... Неужели Эйуко права?! Нужно поговорить с этой Алойей! Они действительно были не совсем почтительны с нею, так что она имела все основания гневаться. И гнев делал её такой... Лис замер, воскресив в памяти то, что они с Хикэру видели в купальне. Р-р-р!!! Когти пропороли futon, белые облака хлопка взлетели вверх.

– Если это правда...

– Подумай дважды, проклятый лис! – прокричала на прощание наглая старуха, – Потому что прелестная ками рано или поздно уйдёт в свой мир. А ты останешься!

Долго ещё сидел лис, неподвижно, обдумывая слова ведьмы. Снять проклятие? Или остаться с ним? Как снять? Просить эту ками отпустить? Так ничего и не придумав, Шинджи ещё раз прочитал послание матери и решил написать ответ. Печать улетела. Ками они встретили, Шинджи поклялся, что не даст и волосу упасть с её головы, не говоря уже о притязаниях Хикэру. Брат будет по-прежнему пытаться задеть девушку, так что... Если будет нужно, Шинджи поучит его почтительности.

– Госпожа! Госпожа Алойя!

– М-м? А, это ты, Эйуко... Значит, это не сон...

Разочарованию моему не было предела. Внутри плескалась злость и боль. Когда я выберусь? Ищут меня уже? Сидеть там, у сакуры? Или всё же идти на встречу с теми, кому я так нужна?

– Не сон, не сон, – покивала ведьма, – Уже утро, пора собираться в путь, моя ками!

– А может... – я хотела сказать, может подождать на месте, что меня будут искать.

– Нет, госпожа! Проход с вашей стороны не открыть! Его могут открывать только очень сильные ками! Вы скоро увидите их, спросите, что да как!

– Меня будут искать... – я медленно, нехотя надевала платье, сапожки, расчёсывала волосы. Снова, как и в Алаке, от них летели золотые искорки. Значит, сила ещё при мне.

– Не найдут, милая! Не найдут! – замахала руками ведьма, – Это ведь их владения! – она важно ткнула пальцем в небо, – Так что один путь тебе пока – в поместье Цукиёми-доно!

– Кто это?

Ведьма не ответила, засуетилась: принесла маленький столик, постелила подушечку, усадила меня на неё, устала стол посудой. Через миг на мисочках уже лежали рис, рыба, соусы, овощи. Есть палочками было непривычно, но я всё же попробовала немного из предложенного. Вкусно!

– Это ками Луны, моя госпожа! Он заведует ночью, сном и отдыхом, тайной, особенно любовной...

– Вот как...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.